

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 51 ДЕКАБРЬ 1984

ВРУЧЕНИЕ НАГ

6 декабря в Кремле Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко вручил награды Родины кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС В. И. Долгих, секретарю ЦК КПСС М. В. Зимянину, заведующему Отделом ЦК КПСС К. М. Боголюбову, управляющему делами Совета Министров СССР М. С. Смиртюкову.

В зале присутствовали товарищи Г. А. Алиев, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, В. М. Чебриков, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков.

Товарищ К. У. Черненко выступил при вручении наград. В своем выступлении он, в частности, сказал:

— В нашей партии и стране хорошо знают товарища Долгих Владимира Ивановича, как одного из активных участников и организаторов больших начинаний и славных дел тружеников тяжелой индустрии — основы экономической мощи Советского государства. Хорошо знают и товарища Зимянина Михаила Васильевича, который отдает много сил и энергии такому важному делу, как идеологическая работа. Одним из опытнейших работников аппарата Центрального Комитета партии является Клавдий Михайлович Боголюбов. Многие годы плодотворно трудится в аппарате Совета Министров СССР Михаил Сергеевич Смиртюков.

Трудиться в руководящих органах, в центральном аппарате — это высокая честь. Здесь требуются глубокие знания, организаторские способности и, конечно, большая самоотдача. Ленин не раз подчеркивал, что работа в партийном и государственном аппарате должна отличаться компетентностью и оперативностью, четкостью и слаженностью. И мы по праву гордимся тем, что такой аппарат у нас создан, что он хорошо служит решению всех стоящих перед партией и страной задач. В этом есть заслуга и каждого из награжденных товарищей.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 51 (2996)

15—22 ДЕКАБРЯ 1984

ПЕРЕГОВОРЫ ДЕЛЕГАЦИЙ КПСС И КОМПАРТИИ ЯПОНИИ

11 декабря начались переговоры делегации КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко и делегации Коммунистической партии Японии, возглавляемой Председателем ЦК КПЯ К. Миямото.

В переговорах, проходивших в духе товарищества и солидарности, принимали участие со стороны КПЯ — Председатель Секретариата ЦК КПЯ М. Канэко, члены Постоянного бюро Президиума ЦК КПЯ Х. Татики и Ё. Ёсиока, член Президиума и Секретариата ЦК КПЯ С. Ниихара, член ЦК КПЯ Р. Сасаки, ответственные работники ЦК КПЯ Х. Кикунами и Х. Нисигути; со стороны КПСС — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, член ЦК КПСС А. М. Александров, члены ЦК КПСС С. В. Червоненко, В. В. Загладин и П. Н. Федосеев, заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС И. И. Коваленко.

На снимке: перед началом переговоров.

Фото ТАСС

РАД РОДИНЫ

Во время вручения наград.

Фото А. Гостева

Товарищ К. У. Черненко вручил тов. В. И. Долгих орден Ленина и вторую золотую медаль «Серп и Молот», тов. М. В. Зимянину — орден Ленина, тов. К. М. Боголюбову — орден Ленина и золотую медаль «Серп и Молот», тов. М. С. Смиртюкову — орден Ленина.

В своих выступлениях награжденные выразили Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР, товарищу Константину Устиновичу Черненко сердечную благодарность за высокую оценку их труда. Они заверили, что и впредь будут отдавать все силы, знания и опыт делу ленинской партии, построения коммунистического общества в нашей стране.

Выступления были выслушаны с большим вниманием и встречены аплодисментами.

Члены Политбюро, кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС, секретари ЦК КПСС, управляющий делами ЦК КПСС Н. Е. Кручина, первый заместитель заведующего Отделом ЦК КПСС А. И. Лукьянов, помощники Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, А. И. Вольский, В. А. Печенев, В. В. Прибытков, В. В. Шарапов тепло поздравили награжденных, пожелали им дальнейшей плодотворной деятельности по претворению в жизнь решений Коммунистической партии Советского Союза, во имя сохранения мира на земле.

ВОСПИТЫВАТЬ КОММУНИСТИЧЕСКУЮ УБЕЖДЕННОСТЬ

Вопросы более эффективного использования богатого арсенала средств коммунистического воспитания трудящихся обсуждали участники Всесоюзной научно-практической конференции «Совершенствование развитого социализма и идеологическая работа партии в свете решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС». Она работала 10 и 11 декабря в Москве.

В работе конференции приняли участие секретари и заведующие отделами пропаганды и агитации ЦК компартий союзных республик, секретари крайкомов, обкомов, окружкомов, ряда горкомов партии, заместители Председателей Советов Министров союзных и автономных республик, группа заместителей председателей исполкомов краевых и областных Советов народных депутатов, работники идеологических учреждений, средств массовой информации, ученые, деятели культуры, представители профсоюзных и комсомольских органов, Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, идеологический актив Москвы и Московской области.

Продолжительными аплодисментами встретили собравшиеся товарищей М. С. Горбачева, В. В. Гришина, Г. В. Романова, П. Н. Демичева, В. И. Долгих, Б. Н. Пономарева, М. В. Зимянина, И. В. Капитонова, Е. К. Лигачева, К. В. Русакова, Н. И. Рыжкова.

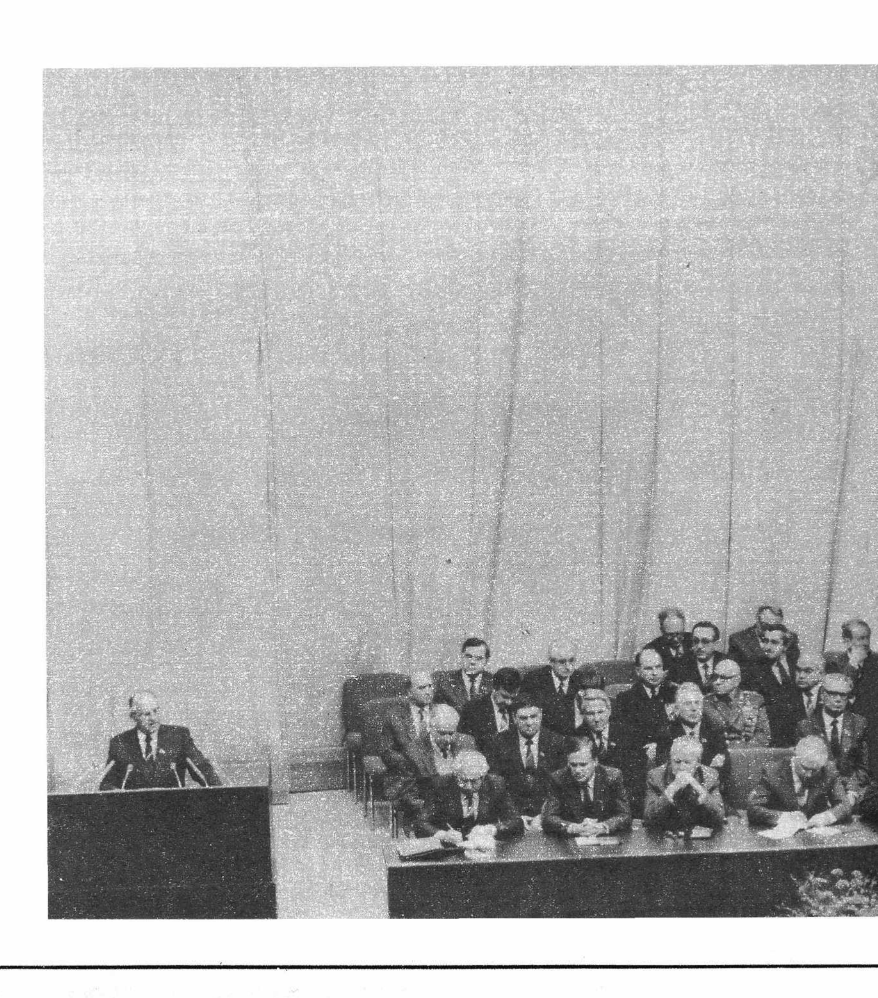
Конференцию открыл секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин. Он огласил приветствие товарища К. У. Черненко участникам конференции, которое было встречено бурными, продолжительными аплодисментами.

В приветствии К. У. Черненко говорится:

«Уверен, что деловой анализ идеологической, пропагандистской практики, конкретные предложения участников конференции будут способствовать решению масштабных и ответственных задач совершенствования построенного в СССР социализма, усилению теоретической и пропагандистской работы, развернувшейся в партии в связи с подготовкой к XXVII съезду КПСС».

Тепло встреченный присутствующими с докладом выступил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

С большим подъемом участники конференции приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу К. У. Черненко.

На снимке: во время работы Всесоюзной научно-практической конференции.

Фото Ю. Лизунова (ТАСС)

СЪЕЗД КООПЕРАТОРОВ

11 декабря в Москве, в Большом Кремлевском дворце, открылся XI съезд уполномоченных потребительской кооперации СССР.

Делегаты и гости продолжительными аплодисментами встретили товарищей В. И. Воротникова, М. С. Горбачева, М. С. Соломенцева, Н. А. Тихонова, В. В. Кузнецова, И. В. Капитонова, Н. И. Рыжкова.

В президиуме также председатель Центральной ревизионной комиссии КПСС Г. Ф. Сизов, заместители Председателя Совета Министров СССР И. И. Бодюл и З. Н. Нуриев, секретарь Президиума Верховного Совета СССР Т. Н. Ментешашвили, ответственные работники ЦК КПСС, руководители министерств и ведомств, передовики потребительской кооперации и сельского хозяйства.

На съезде присутствуют зарубежные гости — представители кооперативных организаций 41 страны Международного кооперативного альянса.

Продолжительными аплодисментами встретили собравшиеся приветствие Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР XI съезду потребительской кооперации СССР. Текст приветствия огласил секретарь ЦК КПСС И. В. Капитонов.

С отчетным докладом правления Центросоюза выступил его председатель М. П. Трунов.

На снимке: в зале заседания съезда.

Фото А. Гостева

ОБСУЖДЕНЫ ПЕРСПЕКТИВЫ

5 декабря член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиев принял японскую делегацию группы «Мицуи» во главе с президентом торговой компании «Мицуи буссан» Т. Яхиро.

В ходе беседы были затронуты вопросы советско-японского торгово-экономического и научно-технического сотрудничества.

В беседе приняли участие заместитель председателя Госплана СССР Н. Н. Иноземцев, заместитель председателя ГКНТ Д. М. Гвишиани и заместитель министра внешней торговли В. Н. Сушков. С японской стороны участвовали президенты ряда японских фирм, входящих в группу «Мицуи»,— С. Саба, М. Татэно, К. Маэда, М. Сакураи.

На снимке: перед началом беседы.

Фото В. Кошевого (ТАСС)

ТОРЖЕСТВА В УЗБЕКИСТАНЕ

В красочном убранстве города и села Узбекистана. На древнюю землю пришел праздник — республике и ее Компартии исполнилось 60 лет.

8 декабря в Ташкенте состоялось торжественное заседание ЦК Компартии Узбекистана и Верховного Совета республики, посвященное знаменательной дате.

Тепло встреченный присутствующими, на заседании выступил член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР В. И. Воротников.

Позвольте прежде всего, в частности, сказал он, с большим удовлетворением выполнить поручение Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко — передать вам, всем трудящимся республики сердечные поздравления с юбилеем и самые искренние пожелания успехов во всех областях социалистического строительства.

С докладом выступил первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана И. Б. Усманходжаев. От имени коммунистов, всех трудящихся республики он выразил сердечную благодарность и глубокую признательность Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР и Совету Министров СССР, товарищу К. У. Черненко за теплые слова поздравления, за высокую оценку достижений Советского Узбекистана, за постоянную ленинскую заботу об экономическом и культурном развитии республики.

С приветствиями на торжественном заседании выступили руководители делегаций: Москвы — секретарь МГК КПСС И. Д. Писарев, Казахской ССР — Председатель Совета Министров республики Н. А. Назарбаев, Киргизской ССР — первый секретарь ЦК Компартии Киргизии Т. У. Усубалиев, Таджикской ССР — первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана Р. Н. Набиев, Туркменской ССР — первый секретарь ЦК Компартии Туркменистана М. Г. Гапуров.

Участники торжественного собрания с подъемом приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР, товарищу К. У. Черненко.

На снимке: торжественное заседание в Ташкенте.

Телефото Ф. Курбанбаева (ТАСС)

ЗА БОЛЬШИЕ ЗАСЛУГИ

За большие заслуги трудящихся в революционном движении, борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны, их вклад в освоение природных богатств и развитие производительных сил Сибири Красноярский край награжден орденом Октябрьской Революции.

7 декабря здесь состоялось торжественное собрание представителей партийных, советских и общественных организаций, коллективов трудящихся, посвященное вручению высокой награды.

На собрании, тепло встреченный собравшимися, выступил секретарь ЦК КПСС Н. И. Рыжков. От имени Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Советского правительства он горячо поздравил тружеников края с высокой наградой Родины.

Н. И. Рыжков огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Красноярского края орденом Октябрьской Революции и под аплодисменты собравшихся прикрепил награду к знамени края.

Выступавшие на собрании выразили сердечную признательность и глубокую благодарность за высокую награду Родины, заверили, что трудящиеся края отдадут все силы, знания и энергию делу коммунистического созидания, достойно встретят XXVII съезд партии.

С подъемом было принято приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР, товарищу К. У. Черненко.

На снимке: во время вручения награды.

Телефото Ю. Бармина (ТАСС)

Тайная бухгалтерия господина Флика

Альберт ГРИГОРЬЯНЦ

Фридрих Карл Флик унаследовал от своего отца не только заводы, акции и поместья, но и оригинальный характер. Никто не знал, какие мысли вынашивал сумрачный старец во время одиноких прогулок по рейнской набережной Дюссельдорфа, закусывая на садовой скамейке принесенным в кармане бутербродом или попыхивая дешевой (не дороже 50 пфеннигов за штуку) сигарой. На следующий день биржи начинало с утра лихорадить: чья-то невидимая рука взвинчивала или пригибала к земле курс акций, сгребала заводы, банки, рудники. Фридрих Флик считался самым богатым человеком Федеративной Республики Германии, хотя никто не знал даже приблизительно, каким состоянием он обладал. Бесспорным было одно: колоссальным. Престарелый магнат — финансовый донор гитлеровской партии и личный друг рейхсфюрера СС Гиммлера, один из военных преступников, осужденных Нюрнбергским трибуналом, сколотил в послевоенные годы в ФРГ новую промышленную империю, на заводах которой выпускались танки и боеприпасы, авиационные двигатели и военные тягачи, сколотил исподволь, исподтишка, действуя из-за кулис.

Таким же «тихоней» представлялся сын и наследник Флика — Фридрих Карл. О 56-летнем миллиардере мало что было известно общественности. Ходили лишь глухие слухи о его финансовых операциях и разгульных пирушках на роскошной вилле вблизи Мюнхена. Не больше.

И вот имя Флика не сходит со страниц печати. Оно связано со скандалом, который газета «Зюддойче цайтунг» назвала «боннским Уотергейтом». Скандал приобрел уже характер политического кризиса, обнажил глубину и масштабы коррупции и беззакония, царящих в боннских эшелонах власти, зависимость государственного аппарата ФРГ от крупного капитала, прежде всего военно-промышленного комплекса.

«Дело Флика» началось с одной из тайных финансовых операций магната, которую тот провел в манере своего отца: он продал пакет акций фирмы «Даймлер-Бенц» и получил два миллиарда марок прибыли. Оставалось лишь уплатить полагающийся при таких сделках налог и продолжить беспрепятственно округлять свое состояние. Но мюнхенский Крез решил надуть государство и уклониться от уплаты налога. Надо было лишь доказать, что запланированные им инвестиции «пойдут на пользу экономике» Федеративной Республики. Но доказывать ничего не понадобилось. Тогдашний министр хозяйства О. Ламбсдорф заявил об «общественной пользе» произведенной операции и рекомендовал правительству освободить концерн от уплаты налога. Флик с ухмылкой положил в сейф 850 миллионов марок.

Сегодня печать называет эту сделку крупнейшим за всю историю страны экономическим преступлением, которое совершено при прямом или косвенном участии партийных боссов и федеральных министров, депутатов парламента и крупных чиновников. Следствие, начатое прокуратурой, показало, что Флик затратил многие миллионы марок на подкуп широкого круга лиц. Можно считать доказанным, писал еженедельник «Шпигель», что на протяжении многих лет «люди Флика» одаривали политических деятелей всех крупнейших партий миллионными суммами, чтобы сделать их сговорчивее.

С ведома и при содействии этих деятелей был создан надежный механизм жульнических махинаций. Действовали цинично и лицемерно. Жертвовали на богоугодные цели католическому миссионерскому обществу «Зовердия». Перекрестясь, предъявляли финансовому ведомству квитанции за «пожертвования» и получали разрешение списать эти суммы с налогов. Между тем смиренные отцы из «Зовердии», воздав хвалы своему благодетелю, переводили обратно, в «черную кассу» концерна Флика, 80 процентов его щедрых даров.

Из этой бездонной кассы и производилась подкормка боннских партий и деятелей.

Выплыло целое созвездие имен. В афере оказались замешанными канцлер ФРГ Г. Коль, министр иностранных дел Г.-Д. Геншер, премьер-министр Баварии Ф.-Й. Штраус, председатель бундестага, то есть «второй человек в государстве», Р. Барцель. Дотошный бухгалтер Флика был излишне аккуратен. Его точнейшие записи позволяют прокуратуре выяснить, кому и сколько было дано. С 1973 по 1980 год Г. Коль получил «на нужды ХДС» 665 тысяч марок. Еще дороже котировался Штраус. Ему выплатили 1,25 миллиона марок. И это не случайно. Штраус оказал концерну немалые услуги. Например, он позаботился о том, чтобы главный подряд на производство танков «Леопард» перепал именно Флику. Баварский лидер был частым гостем в поместьях миллиардера, где в интимных беседах и формулировались решения Бонна по важнейшим экономическим и политическим вопросам. Впрочем, Штраус и не скрывал своих особых, доверительных отношений с миллиардером. Он как-то прямо заявил, что в последние десятилетия провел с хозяевами концерна немало часов, «обсуждая общие экономические и политические проблемы». Что касается буржуазной свободной демократической партии, то выяснилось, что она давно уже превратилась в настоящую содержанку всесильного магната.

Отец Флика носил старомодные костюмы и курил дешевые сигареты. Скаредность считал добродетелью дельца. Во всяком случае, он научил сына с умом тратить каждый пфенниг. Взятки партиям и политикам выплачивались после тщательной калькуляции. Во-первых, концерн получал от подкупленных деятелей миллионные налоговые льготы. Во-вторых, и это были гораздо более весомые услуги, эти деятели обеспечивали Флика, как самого крупного подрядчика боннского министерства обороны, выгодными военными заказами. Танки «Леопард» сходят с конвейеров фликовской фирмы «Краус-Маффай». Через фирму «Моторен-унд-Турбиненунион» — дочернее предприятие «Даймлер-Бенц» — магнат участвует в реализации крупнейшего военного заказа в истории ФРГ — в выпуске 800 новейших многоцелевых самолетов «Торнадо». Фликовские заводы «Динамит-Нобель» выпускают взрывчатку и боеприпасы.

Заботами правительственных инстанций заводы миллиардера не простаивают. Поразительно, но факт: как бы ни шумела пресса о махинациях магната, на состоянии его дел это никак не отражается. В 1983 году прибыли Флика увеличились в три раза по сравнению с предыдущим годом! Жиреющий на производстве вооружения миллиардер лихорадочно наращивает мощности. Еще бы! Бонн приступает к реализации гигантской программы переоснащения бундесвера новым поколением оружия. В небоскребах Флика производятся подсчеты. Государство собирается приобрести 4 тысячи 467 новых танков «Леопард-3» на сумму 12 миллиардов марок. Львиная доля заказа перепадет Флику. Поэтому неудивительно, что, несмотря на скандал с «пожертвованиями», курс акций фирмы «Краус-Маффай» — один из самых высоких. Полагают, что эта же фирма получит главный подряд на производство 700 самоходных гаубиц «155-I», способных вести огонь снарядами с ядерными боеголовками. Через фирму «Моторен-унд-Турбиненунион» Флик пристраивается к прибыльному заказу на разработку «истребителя девяностых годов», а через «Динамит-Нобель» — к выпуску огромных партий новейших видов боеприпасов, противотанковых мин и пусковых ракетных установок. Срывающий высокие прибыли автомобильный концерн «Даймлер-Бенц», где Флику принадлежит 10 процентов акций, получает новые заказы на поставку тяжелых грузовиков для западногерманской армии.

Поскольку немалая часть продукции, прежде всего танки, экспортируется за рубеж, в оформлении такого рода сделок Флик широко пользуется дружественными услугами политических деятелей и государственных ведомств.

Но, помимо сугубо материальных выгод, подкуп партий обеспечивал Флику и могучие рычаги политического влияния на курс боннского государственного корабля. Сегодня на Рейне уже откровенно говорят, что «пожертвования» Флика привели к руководству ХДС нынешнего канцлера Коля, подтолкнули СвДП на расторжение социально-либеральной коалиции и переход в стан ХДС/ХСС, что привело к значительному поправению правительственного курса, усилили в целом позиции крайне правых сил в стране. Отказ от политики разрядки, возрождение реваншизма и милитаризма вполне устраивают военного промышленника, ибо гарантируют ему новые баснословные прибыли.

Как ни велики масштабы скандала в связи с «делом Флика», речь идет всего лишь о верхушке айсберга. По свидетельству печати, правящие на Рейне буржуазные партии ХДС/ХСС и СвДП гораздо глубже погрязли в махинациях с «пожертвованиями» и утаиванием доходов, чем об этом можно судить по одной лишь «афере Флика». Заправилы западногерманской индустрии и банков перевели с помощью разного рода фиктивных объединений на счета буржуазных партий с 1969 по 1980 год свыше 200 миллионов марок! Делали они это в обход и в нарушение законов, поистине мошенническим путем. Центром операций было солидное «Государственно-гражданское объединение», основанное капиталами западногерманской экономики. Получая от фирм деньги, эта контора переводила их за границу, на счета фиктивных обществ в Лихтенштейне, которые, в свою очередь, переправляли миллионные суммы обратно в Западную Германию, теперь уже прямо на счета ХДС/ХСС и СвДП. Но теперь эти деньги не облагались налогами. Их «помыли» за рубежом, чтобы обойти налоговые ведомства. Столпы общества и их политические стряпчие сообща обворовывали государственную казну.

В дополнение к липовым обществам в Лихтенштейне была создана жульническая контора и в самой ФРГ — некий «институт государственного права и политики» во главе с бароном фон дер Хайдте. Да, это тот самый высокородный аристократ, генерал резерва и член партии Штрауса, кавалер нацистского рыцарского креста с дубовыми листьями и ордена «гроба господня», которого не без основания называют «исчадием реакции». Он один из создателей профашистской организации «Спасите свободу», заклятый враг разрядки и коммунизма. Вот это-то воплощение христианских добродетелей и выступило в роли главного мошенника. С 1969 по 1980 год барон получил от промышленников «пожертвований» на сумму 80 миллионов марок. Эти деньги были переведены на счета уже известных учреждений в Лихтенштейне якобы для финансирования научных исследований за границей, откуда суммы по известным каналам возвращались в ФРГ.

«Дело Флика» бросило яркий свет на политические нравы, царящие в боннских коридорах власти. Как старательно рядятся в тогу поборников демократии и законности иные деятели ФРГ, претендующие на право поучать других правилам хорошего тона! Политики, уличенные во взяточничестве и других нарушениях законов, пользуются любым поводом, чтобы пропеть гимн «социально-правовому» боннскому государству и бросить ком грязи в сторону социалистических стран, их образа мысли и демократических норм жизни. Сегодня еще более очевидно, чем когда бы то ни было раньше, что этим бар-

НЕ УЙТИ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ!

Таинственный убийца проникал в дома спящих людей и безжалостно убивал их. Гибель подстерегала каждого, кто встречался с ним на улице. Страшным губителем стал токсичный газ метилизоцианат, производящийся на предприятии американской компании «Юнион карбайд корпорейшн» в индийском городе Бхопал. То, что произошло здесь в начале декабря, можно справедливо назвать настоящим массовым убийством. Утечка газа вызвала смерть более двух тысяч человек, в основном детей, стариков и женщин, свыше пятидесяти тысяч человек получили тяжелые отравления. Словно чума, отравляющий газ поразил четвертую часть населения Бхопала. Трупы людей находят повсюду: в домах, на улицах; многих, бежавших в панике подальше от зараженного места, нашли мертвыми в окрестностях города. Больницы города переполнены пострадавшими. Отравленные газом слепнут и, как призраки, бродят по больничным коридорам, где не смолкают стоны и рыдания.

Так кто же настоящий убийца? Токсичный ли газ или американская компания, повинная в утечке газа? Многие в Индии считают, что «Юнион карбайд», огромная многонациональная корпорация, которой принадлежит предприятие по производству метилового эфира в Бхопале, должна нести всю ответственность за гибель людей. Компания виновна в преступной халатности. Ведь это уже не в первый раз складируемый на фабрике ядовитый газ уносит жизни ни в чем не повинных людей. Однако руководство американской корпорации не принимало мер, чтобы исправить неполадки и усилить меры безопасности. Видимо, расходы на осуществление таких мер могли отрицательно сказаться на прибылях компании.

Глава индийского правительства, премьер-министр Раджив Ганди, посетивший Бхопал, распорядился созвать специальную следственную комиссию, которая должна будет установить, почему «Юнион карбайд» не приняла необходимых мер безопасности. Правительство штата Мадхья-Прадеш официально обвинило владельцев «Юнион карбайд» в «пренебрежительном отношении к нормам и правилам безопасности, приведшем к гибели большого числа людей», и возбудило против нее судебное дело.

Однако хозяева преступной корпорации пытаются всеми правдами и неправдами уйти от ответственности и снять с себя вину за трагедию в Бхопале. Индийская газета «Пэтриот» пишет, что «вместо того, чтобы осознать и признать всю серьезность этого преступления, представителей компании, и в том числе ее управляющего, судя по всему, больше заботит то, как замести следы. Нельзя допустить, чтобы убийцы остались безнаказанными».

В. ДУНАЕВ

На снимке: жертвы катастрофы.

Телефото ЮПИ — ТАСС

ЧИЛИ БУРЛИТ

Мощная волна массовых антидиктаторских выступлений прокатилась по всей стране. Трудящиеся выдвигают требования немедленной отставки режима Пиночета, отмены репрессивных законов, возвращения к демократии, освобождения политзаключенных, ликвидации безработицы, повышения заработной платы.

Стремясь задушить выступления чилийского народа, диктатор ввел в ряде городов страны осадное положение и комендантский час, что значительно расширяет возможности карательных органов, позволяет бросать патриотов за решетку без суда и следствия. Повсюду карабинеры и армейские подразделения патрулируют улицы, агенты Национального информационного центра (пиночетовская охранка) производят обыски, облавы, аресты.

На снимке: полиция расправляется с одним из участников манифестации в Сантьяго.

дам западной демократии пора бы прикусить язык. Флик и другие концерны, справедливо замечает газета «Унзере цайт», купили эту республику и заставляют ее проводить антинародную политику.

Разоблачения, связанные с «делом Флика», серьезно подорвали доверие граждан ФРГ к буржуазным партиям и парламентским институтам страны. Газета «Вашингтон пост» пишет: «Политическое выживание канцлера весьма сомнительно. В прессе ФРГ совершенно открыто начали говорить о предстоящей отставке Коля. Об этом же, хотя и более сдержанно, говорят представители партии канцлера и его американские друзья. Уход Коля может быть таким же внезапным, как и занятие им этого поста. Скандал, связанный с коррупцией, угрожающий многим политическим деятелям ФРГ, создает угрозу уже ослабленному Колю».

Свыше двух третей избирателей придерживаются сегодня «крайне негативного мнения» о боннских партиях и их лидерах. Скептицизм и недоверие рядового гражданина усиливаются и откровенными попытками замять скандал. Правая печать, ставя факты с ног на голову, шумит о «кампании» против правительства, развернутой некими «темными силами». Влиятельные силы пытаются помешать работе парламентской комиссии, созданной для расследования дела. С самого начала ее работы министерство финансов отказалось предоставить досточтимым депутатам документы, которые пролили бы свет на темную историю. А те папки, которые министерство сочло все-таки возможным предоставить, были основательно «причесаны». Многие важные места, прежде всего имена, в бумагах вымараны, часть документов пропала. Один из депутатов сообщил, что выбор документов для комиссии производился с участием... «людей Флика».

Хороши нравы в рейнской столице! Министры — взяточники, депутаты — на побегушках у военных промышленников, выгораживающая мошенников пресса... По мнению еженедельника «Штерн», большой бизнес не может пожаловаться «на недостаток влияния на бундестаг». С чего бы ему жаловаться? Многие депутаты парламента выступают в Бонне лоббистами монополий и банков. Когда недавно кто-то предложил, чтобы «слуги народа» обнародовали свои доходы, в бундестаге поднялась буря. Свободные демократы особенно яростно выступили против этого предложения. По данным печати, 65 процентов депутатов бундестага представляют в федеральной столице какие-либо «экономические интересы», то есть за щедрое вознаграждение пекутся о прибылях богатеев.

У Флика в Бонне имеется целое бюро, содержание которого обходится ежегодно в один миллион марок. Возглавляет его депутат от ХСС Крайле, он же высокопоставленный служащий концерна Флика. Нетрудно представить себе, чьи наказы ретиво выполнял «слуга народа» господин Крайле.

Скандал разрастается. Бонн продолжает лихорадить. Присутствия духа не теряет лишь Фридрих Карл Флик. Ему нечего бояться. Ни один волос не упадет с его головы. Магнат продолжает ворочать делами концерна из своего дома близ баварской столицы, ведет, как заметил репортер, как и прежде, «замкнутый и несколько таинственный образ жизни»...

Под личиной голубиною —
Лиходейство ястребиное.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки Бор. ЕФИМОВА

Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

Гремит нацистский старый марш,
Истошно требуют: — Реванш!

Нет агрессивней и позорней уз,
Чем этот «стратегический союз».

ПОЕЗД ШЕЛ ЧЕРЕЗ ПЛЕВЕН

Владимир КОВАЛЕВ

В дни празднования 40-летия социалистической революции в Болгарии редакция получила письмо. **«Уважаемые товарищи! — писали из Клуба интернациональной дружбы школы села Буковлык Плевенского округа.— В районе Плевена весной и летом 1944 года прыгнули с эшелонов смерти и спасли свою жизнь больше двухсот советских военнопленных. Наш КИД ведет переписку с одним из них. Это Степан Макарович Черешня, ему помогли бежать болгарские железнодорожники, а до прихода Красной Армии укрывала семья Георгия Атанасова в селе Коприва. Через тридцать пять лет разыскал Черешня своих спасителей. Сейчас две семьи, советскую и болгарскую, связывают тесные узы дружбы... Живет Степан Макарович в Семеновке, Полтавской области, на Украине».**

Так мы встретились с человеком, для которого второй родиной стала Болгария. Седьмой десяток пошел Степану Макаровичу, но помнит он до мельчайших подробностей ночь в Плевене, когда двери их товарного вагона распахнулись и узники услышали чей-то голос из темноты: «Братушки, бегите!»

...Он покатился по высокому откосу, больно обдирая локти и колени о камни. Откуда только силы взялись — позади раздались автоматные очереди, пули засвистели прямо над головой. У кромки кукурузного поля стоял мальчик, он сказал: «Не бойся, братушка, здесь тебя уже не тронут». И объяснил, что возле вокзала собралась целая группа русских. Степан пошел туда. Комендант вокзала ничего не расспрашивал, сказал только: «Кто желает, может помогать крестьянам в работе на виноградниках. Одного могу взять к себе.— И обращаясь к Черешне:— Пойдешь к нам?»

Несколько дней жил Степан у железнодорожника.

Побеги советских военнопленных с эшелонов смерти особенно участились летом 1944 года. На болгарских вокзалах, где останавливались гитлеровские составы, люди приносили «братушкам» воду и продукты, помогали бежать. Дошло до того, что германский посланник Бекерле направил болгарскому правительству ноту. В ней говорилось, что, если болгары и дальше будут вступать в контакты с советскими военнопленными, охрана вынуждена будет открывать огонь. По признанию фашистских властей, убежавшие с поездов и спасенные болгарами советские люди — их было около четырех тысяч человек — рассеялись по всей стране.

Опасаясь расправы, железнодорожник, приютивший Черешню, посоветовал ему скрыться в деревне: «Там спокойнее будет. Красная Армия недалеко, фашистам недолго осталось командовать». И дал адрес надежного человека — Георгия Атанасова.

Атанасов служил в армии, но приходил на выходные дни домой. Шел август 1944 года, в Плевенском округе все активнее действовали партизанские группы. И Степан стал искать с ними встречи.

Однажды среди ночи в окошко тихо постучали. Вошли люди с автоматами, расспросили: кто такой, откуда родом, как попал в Болгарию, нет ли оружия? В разговоре называли его «братушкой», и у Черешни сомнений не осталось — партизаны.

От них Степан узнал, что Красная Армия перешла советско-румынскую границу и с боями продвигается к Болгарии.

— Возьмите, братцы, к себе!

— Мы слышали, ты умеешь врачевать коней? Оставайся пока здесь, надо будет — доставим своих четвероногих в твою «больницу»!

За несколько дней до освобождения пришел домой Атанасов. Он служил на Дунае и уже видел советских бойцов на той стороне. Сильно взволнован был Георгий, говорил Черешне:

— На нашей земле войны не будет, братушка! Болгары встретят советских солдат, как родных братьев. Поверь, выйдут люди на улицы с хлебом и розами.

...Утром 9 сентября послышались звуки веселой музыки. Степан поспешил с крестьянами на площадь Копривы. Там стоял грузовик с красными флагами. На машине — бойцы в тельняшках, перепоясанные пулеметными лентами, девушка в кожаной тужурке и алой косынке. В одном из бойцов узнал Черешня партизана, который приходил ночью к нему. «Восстание победило! Красная Армия на болгарской земле!» — слышны были радостные возгласы.

В семье Атанасовых за большим столом собрались все от мала до велика. Старушка-мать села рядом со Степаном и стала рассказывать, что отец говорил ей о русских воинах, которые помогали «воевать турков». Вытирая краешком платка глаза, она повторяла: «Вот и теперь, слава богу, братушки протянули нашему народу свою крепкую руку».

Через несколько дней Коприва встречала советских солдат. Не ошибся Георгий Атанасов — «братушки» не шли, а казалось, плыли в море цветов. Степан Черешня уезжал в Плевен, его провожали старушка Атанасова, ее невестка Добрина с детьми — Дончетой, Миткой и Снежанкой. Не было только Георгия, а времени ждать не оставалось. Так и уехал, не попрощавшись с человеком, который спас его.

Но не закончилась война; она унесет еще тысячи человеческих жизней. Придется воевать и Степану Черешне, участвовать в освобождении соседней Югославии. До победы оставалось долгих восемь месяцев...

* * *

Когда мы встретились со Степаном Макаровичем Черешней в Семеновке, я показал ему письмо болгарских ребят. «Хорошие ребята,—рассказал он.—Я с ними переписываюсь, а начала это доброе дело Гена Дочева, директор школы в селе Буковлык. Теперь многие ребята нашего поселка дружат с болгарскими сверстниками».

— Как удалось разыскать семью Атанасовых спустя тридцать пять лет?

Однажды родные принесли газету, в которой сообщалось о пребывании в городе Ростове-на-Дону секретаря Плевенского окружкома БКП Здравко Илларионова. В тот же день отправил Черешня письмо в Ростов с просьбой помочь разыскать Георгия Атанасова. И вот долгожданное известие из Болгарии:

«Уважаемый Степан Макарович! Ваше письмо вызвало у многих наших работников окружкома добрые воспоминания. Мы рады, что на Украине проживает простой советский человек, который в тяжелые годы войны попал в наши края и спустя столько лет, не забыв тех тревожных времен, обращается к нам с вопросами о настоящем Плевена, его людях, а также о «родной» деревне Коприва.

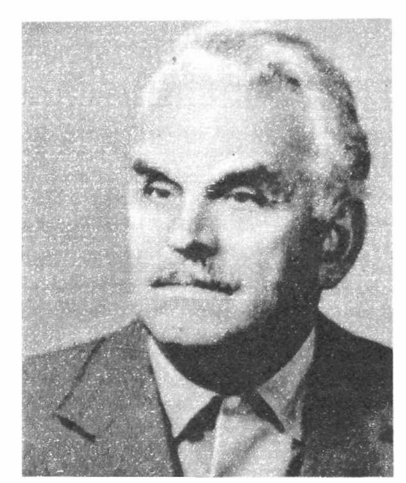
В городе и округе многое изменилось со времени освобождения в 1944 году. Собственно, как и во всей Болгарии. По-новому выглядит и деревня Коприва, которая носит теперь имя героически погибшего своего сына — партизана Ленка Мышева — Ленково. Мы встретились с людьми из деревни, многие вас знают и помнят. Напишите о своем пребывании у нас подробнее, будем рады опубликовать ваши воспоминания в окружной газете. Примите самые сердечные поздравления, пожелания крепкого здоровья и долгих лет плодотворной жизни. С уважением — Здравко Илларионов, секретарь окружного комитета БКП. Плевен. 1979 год».

Георгий Атанасов живет и работает в Плевене! Первое письмо от него написано словно на одном дыхании:

«Степан! Сердце мое преисполнено радостью, которую невозможно передать. Ведь последний раз мы виделись 35 лет назад! И все-таки хорошо, что ни вы нас, ни мы вас не забыли... Мы после войны переехали в Плевен, мои дети Митко и Дончета работают здесь же, а вот Снежанку муж увез в Софию. Есть хорошая пословица: гора с горой не сходится, человек с человеком где-нибудь да встретятся. Это относится к нам, дорогой Степан. Встретил меня товарищ Илларионов, которому вы написали, интересовался моей жизнью, семьей, а вскоре и от вас пришла весточка».

Пять лет длится переписка между советской и болгарской семьями. Радости и переживания — все поровну.

Георгий Атанасов посвятил свою послевоенную жизнь искусству. Рисовал он, как выяснилось, и в годы войны, только стеснялся признаться, что красивые натюрморты

Георгий Атанасов.

в доме — дело его рук. В 1976 году в Плевене состоялась большая персональная выставка художника, воспевающая дружбу советского и болгарского народов.

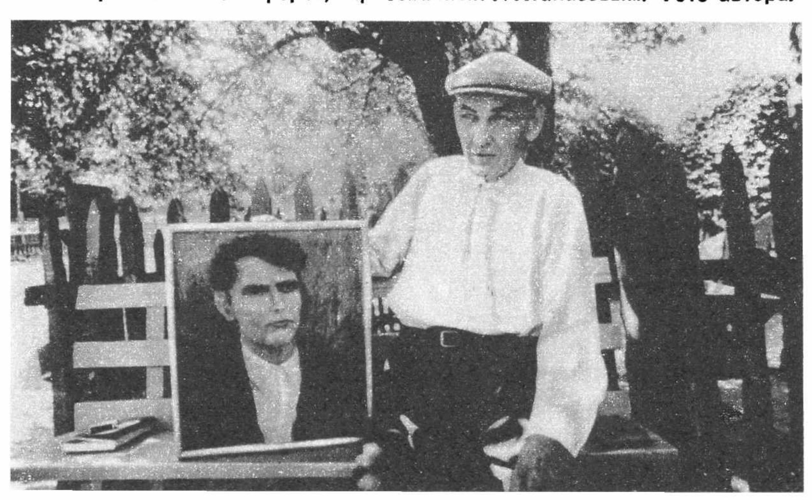
— А я после войны работал педагогом,— рассказывал Степан Макарович.— Преподавал в техникумах, готовил специалистов для животноводства. Сейчас на пенсии...

На видном месте в комнате Степана Макаровича висит картина, присланная из Болгарии. Георгий Атанасов запечатлел на ней Черешню таким, каким запомнил, когда тот жил в его семье. Идут и идут письма. Только возраст, к сожалению, не позволяет встретиться друзьям, которые нашли друг друга. В дни, когда я был в гостях в Семеновке, Степану Макаровичу пришла из Болгарии большая посылка. В ней — еще одна картина из Плевена. Художник Атанасов нарисовал мавзолей — памятник русским солдатам, погибшим за свободу братской страны — прекрасной и вечно молодой Болгарии.

Семеновка, Полтавской области.

С. М. Черешня и его портрет, нарисованный Г. Атанасовым. Фото автора.

ХУДОЖНИК ИЗ ОЧАКОВА

Валерий ГАНИЧЕВ

Очаковские места находятся как бы в объятии двух стихий: теплого, ласкового в спокойные дни, бурного, клокочущего в непогоду Черного моря и прозрачно-золотистой степи, с полями пшеницы и кукурузы, тянущимися до горизонта.

Море проникает в степь голубыми лентами лиманов, а земля выбрасывает свои песчаные косы далеко в его синюю гладь. У Очакова голубовато-зеленые воды Буга и Днепра ныряют в темные морские глубины, окончательно приобретают соленый привкус и уже за островом Березань — этим древнегреческим щупом в Причерноморье, бывшим знаменитым славянским пристанищем на «пути из варяг в греки» и местом трагической гибели рыцаря революции лейтенанта Шмидта — полностью растворяются во власти Черного моря.

...Морская вода до горизонта. Но у каждого моря свой оттенок, у каждого мыска свой накат волны, у каждого времени года свой цвет. Здесь, у Очакова, особый, необычный колорит, по-особому рассеивается свет и как-то изменчиво многолика волна.

Здесь не мог не родиться человек, в руку которого, кажется, сама природа вложила кисть, чтобы запечатлеть ее неповторимость. Быстро и стремительно на российском художественном небосклоне XIX века зажглась звезда замечательного художника-мариниста, академика Руфина Гавриловича Судковского.

Сын священника из Очакова, предки которого поселились в городе после его штурма солдатами Потемкина, Руфин Гаврилович по семейной традиции поступил вначале в духовную семинарию в Одессе. Судьба привела его в вечерние классы Общества изящных искусств, в Одессе же он познакомился с великим Айвазовским. Говорят, что знаменитый мастер, взглянув на его ученический рисунок, заметил: «Это будет мой соперник, если не перегонит меня».

Судковский не вступал в соперничество с людьми — сражался с натурой, с красками, пытаясь с их помощью воссоздать близкий ему мир южного моря, воздушной стихии и пространств Причерноморья. В восемнадцать лет, вдохновленный первой поддержкой, он, не закончив обучение в семинарии, поступил в Петербургскую Академию художеств. Отец Руфина Гавриловича был потрясен такой изменой делу трех поколений очаковских священнослужителей Судковских. Лишь много лет спустя, услышав в железнодорожном вагоне блестящий отзыв о картинах сына, он задумался и признал его увлечение, ставшее делом жизни.

В Петербурге ломалось привычное восприятие, исчезал знакомый с детства светлый колорит, давило низкое, сумеречное небо, промозглые ветры знобили, настораживала тревожная балтийская волна. Но он продолжал упорно овладевать мастерством, вспоминал родные пейзажи и писал картины.

В 1871 году Судковский получил Большую серебряную медаль Академии. Однако вскоре после тяжелого приступа болезни, когда кровь пошла горлом, вынужден был прервать учебу. Брат отвез его домой в Очаков; тут художнику, как говорится, помогли родные стены и главное — живительный морской воздух.

Через два года он представил на академическую выставку картину «Буря близ Очакова» и получил диплом на звание классного художника без установленного «научного экзамена» — «в знак особого исключения и в пример другим».

Очаков, Днепровский лиман, Черное море... В этих краях талант художника окреп и вскоре стал известен широкому кругу почитателей.

В то время тема моря все больше овладевала художниками. Со времен Петра, когда Россия вновь стала морской державой, крепла и развивалась российская маринистика. Особенно был плодотворен XIX век. Соленые морские брызги хлестанули вдруг с полотен, взоры сухопутных зрителей устремились в далекие водные просторы, по художественным выставкам и салонам заходил крепкий морской ветер. Берега России приобретали на холстах свои художественные очертания.

Судковский любил море в период ласкового штиля и в моменты грозового напряжения, полного хаоса, неистового шторма. Оно влекло его летом и осенью, днем и ночью, в зыбкое, туманное утро и ясный полдень, в серебристую лунную ночь.

«Полдень на Очаковском берегу» — последняя и одна из лучших его картин. На ней — необозримое лазурное пространство теплого южного моря, которое увидено с высоты обрывистого берега, обожженного горячим солнцем и скупо покрытого травой. Подвижная, изменчивая дымка застилает даль и как-то незаметно сливает море с небосклоном. В оттенках воды и неба, в потоках света, в вибрирующем воздухе — неомраченная радость, красота бытия, которые воспел художник.

Столь же ясная и цельная по мировосприятию «Прозрачная вода». На холсте спокойное море раннего утра, водная гладь будто замерла на мгновение для того, чтобы зрители увидели на дне камни, камешки, песчинки, почувствовали движение водорослей, моллюсков в раковинах. Все живое, светлое, чистое, как было светло и чисто мировосприятие мастера.

Очаков, лик этого города с лиманом и побережьем предстал во многих его картинах. Часто он писал их, сидя на камне во дворе школы, на обрыве, у сигнальной станции. Оттуда была видна Кинбурнская коса, и она появляется на многих полотнах.

Этот красивый, добрый, спокойный человек, пожалуй, больше всего любил писать штормы, шквалы, бушующую, гневную стихию. У его картин порой холодеет сердце, кажется, ветер доносит до зрителей соленую влагу, и хочется заслониться от несущейся на тебя темной, неистовой волны. У него было свое «Бурное море» и свой «Девятый вал». Да, как и у Айвазовского, всесокрушающий вал, после которого оставшиеся в живых могут твердо сказать, что сама смерть пронеслась над ними.

Художник шел за Айвазовским, но своим, оригинальным, самобытным путем.

«После Айвазовского молодой художник — самый даровитый и тонкий наблюдатель моря и его поэтических красот»,— писал о Судковском «Одесский листок». А по поводу «Ночи на морском берегу» «Художественные новости» заметили: «Подобные картины множество раз создавала кисть И. К. Айвазовского, и потому, когда стоишь перед произведением Судковского, само собою приходит в голову сравнение его с нашим знаменитым маринистом. Это сравнение служит отнюдь не в ущерб для первого: если приходится признать в лунных ночах Айвазовского больше свободы и мягкости письма, больше красоты и поэтичности, больше легкости и прозрачности в воде и воздухе, то Судковский превосходит его в отношении силы и правдивости красок, видимо, он гнушается всякой условностью, хотя бы и самой изящной, и старается передавать тона и очертания, какие он видит в натуре».

Живописец показывает свои работы в Петербурге, Одессе Москве, Киеве, на Всемирной художественной выставке в Антверпене. Павел Михайлович Третьяков приобретает его картину «Буря». В ноябре 1882 года Академия художеств присуждает Руфину Гавриловичу звание академика.

Не сановитые связи, не знакомства, не расположение прессы, создающей нередко имя, а талант, вдохновение, мастерство, усиленные необычайным трудолюбием, любовь к родной земле, к своему морскому Очакову принесли ему это звание. Тридцатидвухлетний академик живописи — не частое явление...

Итак, он признан, его первая художественная школа отдает дань своему замечательному питомцу: Руфин Гаврилович избирается почетным членом рисовальной школы Одесского общества изящных искусств. Успокоились родители, увидев, сколь славен их сын. Затем — женитьба на Елене Петровне Бенард. Казалось, наступило счастье. Но природа не позволила долго наслаждаться покоем. В Киеве, устраивая свою выставку, Судковский заразился сыпным тифом и в феврале 1885 года скончался.

Жизнь его, такая короткая — всего тридцать пять лет!— продолжается в картинах, которые особенно любят и чтят в дорогом его сердцу Очакове.

Несколько лет назад Николаевский обком партии, Очаковские райком и исполком решили создать в городе, богатом историей и памятниками, художественный музей. Энергично действовали секретари райкома Виктор Григорьевич Орищук и Галина Федоровна Крикун. И вот теперь музей, который назван именем Р. Г. Судковского, действует и вместе с замечательным музеем имени В. В. Верещагина в Николаеве стал одним из центров эстетического воспитания, распространения художественных знаний на юге Украины.

Если вам доведется посетить Очаков, зайдите в музей, постойте у марин замечательного художника. Уверен, что потом вам захочется пойти к морю и вы надолго задумаетесь о гармонии природы и человека, о мастерстве и таланте, о вечном покое и могучей стихии.

Р. Судковский. 1850—1885. ПАРОХОД «МОСКВА» В БУРЮ.

Художественный музей Р. Г. Судковского. Очаков.

ЗАКАТ НА МОРЕ.

Р. Судковский. КУРЕНЬ.

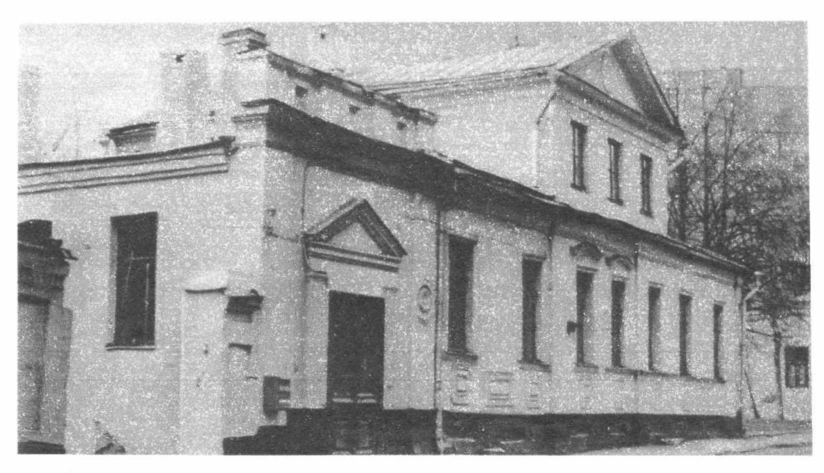
Художественный музей Р. Г. Судковского. Очаков.

СОХРАНИТЬ ДЛЯ ПОТОМКОВ

Дорогие товарищи,
меня интересуют памятные литературные места Москвы и Подмосковья, глубоко беспокоит их участь. Каждый из нас бывает взволнован, когда приходит в дом М. Ю. Лермонтова или оказывается там, где жил А. С. Пушкин. Район Арбата, который по праву должен стать мемориальной, заповедной зоной, особо много содержит особняков и зданий, связанных с жизнью и деятельностью известных литераторов и философов, ученых и поэтов, оставивших своим творчеством глубокий след в сердцах многих людей. Арбат поистине слился с именами, составляющими гордость отечественной литературы. В этом районе, на улице Мясковского, бывший Большой Афанасьевский переулок, рядом находятся два дома (8 и 10), в которых жили и работали яркие представители своей эпохи, люди творческие, духовно богатые. В первом из них в 30-е годы прошлого столетия жил поэт, философ, организатор и вдохновитель литературно-философского кружка, объединившего отдельных представителей передовой русской интеллигенции 30-х годов, Н. В. Станкевич. В другом — известный русский писатель С. Т. Аксаков. И вот оба эти дома находятся под угрозой сноса буквально в ближайшие дни. Известно, что «Огонек» придает большое значение сохранению литературных памятников, публикует много материалов на эту тему. Поэтому в данной критической ситуации я обращаюсь к вам, а также ко всем людям, которым дорого творчество передовых деятелей России: «Приложим все свои силы и возможности для сохранения этих памятных мест». Наша задача, задача всех мыслящих людей — сохранить для будущих поколений те памятники культурной жизни страны, которые сберегли для нас поколения предыдущие. Дома, о которых я пишу, позволяют ощутить то время, проникнуться той атмосферой, в которой творили великие умы и сердца России. Они, как посланники прошлого, способствуют единению, непрерывной связи поколений, являют собой молчаливое воплощение эпохи. Эти здания — наше общее национальное достояние, принадлежащее не отдельному министерству или ведомству, а всем нам — всему советскому народу. И сохранение этих памятников времени — наш общенародный патриотический долг. В данном конкретном случае, хотя и являюсь лицом частным и неофициальным, я выражаю мысли и желания миллионов советских людей: «Сберечь и сохранить для нас и для потомков наших, избавить от разрушения и уничтожения эти уникальные в своем роде литературные памятники нашей страны».

В. Н. ФОКИНА,
младший научный сотрудник Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина

Так выглядит сейчас дом Аксакова в бывшем Большом Афанасьевском переулке.
Фото Е. Вельчинского

Получив это письмо, корреспондент «Огонька» отправился в арбатские переулки.

Днем и ночью не смолкает шум машин. Реконструируется Арбат — старинная московская улица. Вместо традиционного асфальта, вместо тротуаров выкладывается сплошная пешеходная мостовая из фигурного кирпича, обновляются вывески, восстанавливаются исторические здания...

Но Арбат — это всего лишь фасад старого района, пронизанного сетью нешироких, уютных, тихих переулков, связанных с именами А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. С. Грибоедова, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого и многих-многих других видных деятелей отечественной культуры.

В одном из таких переулков — Большом Афанасьевском (ныне улица Мясковского) у коллежской советницы княгини Н. Ф. Горчаковой 1 октября 1835 года нанял дом поэт, философ, общественный деятель Николай Владимирович Станкевич. В документе о найме указывалось, что дом (до недавнего времени № 8, а уже более года вообще без номера) «чисто раскрашен», имеет «конюшню о шести стойлах, каретный сарай и погреб деревянный в одной связи».

В 30-е годы вокруг Станкевича сложилось литературно-философское объединение — кружок Станкевича. Апогей его деятельности приходится как раз на 1835—1837 годы. Тогда в кружок входили критик, публицист В. Г. Белинский, писатель В. П. Боткин, брат известного врача. Видную роль в кружке Станкевича играл русский революционер М. А. Бакунин. Идейно кружок был близок кружку Герцена — Огарева. Их роднило «...глубокое чувство отчуждения от официальной России, от среды, их окружавшей...».

Чуть ниже по улице Мясковского сохранился такой же ампирный, выстроенный после великого московского пожара 1812 года особняк (сейчас на доме висит № 10). Здесь в тридцатые годы прошлого века жил Сергей Тимофеевич Аксаков. В этом доме проходили знаменитые «Аксаковские субботы», на которых присутствовали актер М. С. Щепкин, историк, академик М. П. Погодин, который в 1832 году впервые привел с собой молодого Н. В. Гоголя, писатель М. Н. Загоскин, композитор, театральный деятель А. Н. Верстовский.

Дом этот Аксаков нанял у Т. Д. Слепцовой, жены коллежского секретаря. На планах 1868 года во владениях Слепцова значится еще один дом. Его характерный фасад с полуциркульными окнами второго этажа выходит сейчас на улицу Мясковского (дом № 12). В этом доме по 1896 год жил известный терапевт, председатель Московского медицинского общества Алексей Александрович Остроумов. Его имя присвоено одной из крупных клиник Москвы.

В 1981 году в связи с проектом строительства детского сада встал вопрос о сносе домов 10 и 12. Районная комиссия по сносу приняла решение сохранить эти дома. Это решение подтвердила Центральная комиссия по сохранению и сносу зданий в исторически сложившихся районах Москвы. Однако главный архитектор Ленинского района г. Москвы тов. В. И. Чернышенко, в чьем ведении находятся указанные дома, считает необходимым постройку здесь детского сада, хотя на территории района можно изыскать и другие места для такого строительства, не уничтожая здания, имеющие историческую ценность.

Не лучше обстоит дело и с домом № 8. Хотя его сохранение с формальной точки зрения не вызывает сомнений, здание уже многие месяцы стоит заколоченным, нежилым, что ведет к его интенсивному старению и разрушению.

В. И. Чернышенко уверяет, что в доме проведены консервационные работы, но распахнутые настежь, местами разбитые окна и оторванные листы жести позволяют усомниться в эффективности таких работ.

В районах старой Москвы сохранилось еще немало зданий, связанных с жизнью и деятельностью замечательных людей. Многие из них нуждаются в гораздо более внимательном и бережном отношении со стороны Моссовета и районных Советов. «Огонек» намерен в 1985 году подробно рассказать о проблемах заповедных зон столицы.

В. ПОТРЕСОВ

ПОБЕДИВШИМ И ПАВШИМ **ТВ**

Кадр из фильма: Казначеев — Сережа Песунов, Павлов — А. Гурьев.

Мерно постукивают колеса поезда. Мелькают станции, речки, лес. Задумчиво смотрит за окно пожилой человек. Так начинается телевизионный трехсерийный фильм «В лесах под Ковелем» (киностудия имени А. Довженко, режиссер-постановщик Ю. Тупицкий), снятый по материалам книги воспоминаний прославленного военачальника. Дважды Герой Советского Союза Алексей Федорович Федоров здесь, в этих местах, вел партизанскую войну.

«...Годы уходят,— звучит за кадром его голос,— а с ними постепенно уходят участники и свидетели минувших боев...» Именно о них — а у большинства героев подлинные имена и фамилии — рассказывается в этой картине.

Федоров ведет речь неторопливо, как бы восстанавливая в памяти события, а на экране возникают эпизоды боев, взлетают в воздух паровозы, целые эшелоны, взорванные народными мстителями... Лес, где укрываются партизаны. Землянки, столовая, кухня. На небольшой поляне учатся новички. Уложены рельсы точно как на полотне: надо навостриться быстро и точно зарывать мины. Возвращается с задания немногочисленный отряд. Его ведет высокий юноша. Оборачивается, смотрит прямо в кадр, улыбается, кучерявый чубчик вьется по ветру... «Володя Павлов, москвич, до войны студент, а теперь один из самых знаменитых наших подрывников» — так писал о нем Федоров в книге.

Владимир Владимирович Павлов, Герой Советского Союза... Уже несколько лет нет его среди нас, живых... А в фильме он как бы снова живет, молодой, веселый (артист А. Гурьев). Отчаянно храбрый. Мы помним его степенным человеком: после войны он много лет проработал в «Огоньке». Скромный и даже застенчивый, Володя не любил говорить о себе. В очерках о своих партизанских делах был лаконичен, точен, никаких излишеств. Будто рассказывал о тяжелой, скрупулезной работе, а не о том, как каждый раз, выполняя задание, сталкивался со смертью. Он сам писал про это так: «...Осторожно, чтоб не оставить следов,— не дай бог, занесешь на линию какую-нибудь травинку — лезем на насыпь. Пока я налаживаю мину, подключаю взрыватель и устанавливаю предохранитель, мой товарищ торопливо копает яму...» И на экране Володя «налаживает мину». Пот градом струится по лицу, но движения легки и четки... Малейшая неосторожность грозит смертью. Кажется, что не артист, а сам Володя только что на наших глазах совершил еще один подвиг — пустил под откос очередной фашистский эшелон с танками, боеприпасами, вражескими солдатами, благодаря этому остались живы чьи-то братья, мужья, отцы, деды... Снова шагает Володя по лесу, снова ведет подрывников на железнодорожную насыпь. А Алексей Федорович Федоров продолжает свой рассказ.

Фильм заканчивается встречей на территории освобожденной Украины легендарного командира партизан Федорова (артист А. Булдаков) с разведчиками 13-й армии.

Алексей Федорович предстает перед нами мудрым командиром, великого гуманизма человеком, личностью крупного масштаба, не боявшимся трудностей любого рода, умевшим решать сложные коллизии ответственно, а главное — по совести.

Фильм «В лесах под Ковелем» воспринимается пусть и скромным, но достойным вкладом в монумент Победившим и Павшим в годы Великой Отечественной войны.

Т. ТРОИЦКАЯ

Рабочий день начался, тут уж не до мам...

Прицелился в новую букву.

Детство в школьной форме

Н. БЫКОВ

Фото Б. КУЗЬМИНА

«Как сейчас помню» — это лихое начало в мемуаристике, обычно вызывающее улыбку недоверия. Но что поделать, если помню, как входил в школу, в класс во главе бывших детсадовцев с барабаном на шее. То было счастье, то был праздник, день вступления в храм книг, тетрадей, чернил. Наша «нулевка» была тогда новинкой, она была единственной в округе, экспериментальной, потому, что нам только что исполнилось семь лет и нас даже поили чаем во время большой перемены.

И вот достославный город Дмитров, 9-я школа, подготовительная группа шестилеток. Идет эксперимент. Современная «нулевка» помолодела на год. А детство на год повзрослело. Именно поэтому идея обучать с шести лет вызывала и сомнения, и возражения у части педагогов и родителей, обладателей шестилетних сыновей и дочерей. Лишаем детства — хорошо это или плохо? Школа — это работа, становление личности. Хорошо ли форсировать переход от в общем-то беспечального и безответственного существования к строгим правилам поведения, общежития, к серьезным физическим и умственным нагрузкам? Не всем даже восьмилетним дисциплина, поурочный распорядок дня и реальные взаимоотношения в классе с учителями по душе. А как себя чувствуют шестилетки в школе? С чего здесь начинали взрослые — гороно, директор школы Зоя Алексеевна Костина?

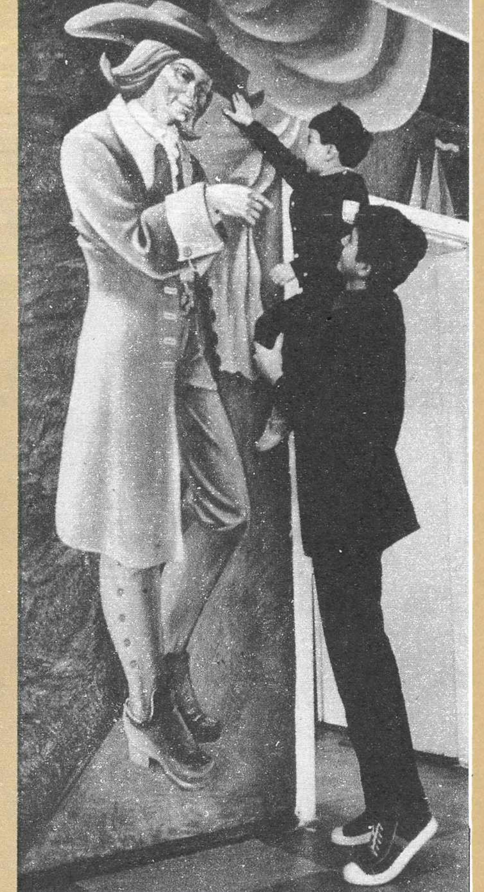
— Начинали с проблем,— рассказала Зоя Алексеевна.— Где учить? Кто будет учить? Как строить отношения с новичками? Пришлось вспомнить и собственное детство, и собственных сыновей в этом нежном возрасте...

Подготовительная группа потребовала от школы значительных уступок, чтобы не сказать жертв. На что не пойдешь ради эксперимента с перспективным будущим! Ради того, чтобы первый блин не вышел комом. Пошли на многое. Как и где разместить их? Отдали им левое крыло школьного здания, конечно, первый этаж. Думаете, отдали класс — и все? Отдали три! И прилегающий коридор. В одном классе — класс. Парты, доска, наглядные пособия. В соседнем — спальня. В третьем бывшем классе теперь игровая. Здесь ковер на полу, столики и настольные игры, игрушки (куклы, конструктор — да не один, пулемет станковый). Для начала отобрали двадцать восемь мальчиков и девочек. Почему не сорок, или тридцать, или двадцать пять? По числу уместившихся в классе кроватей. Они занимают больше места, чем парты.

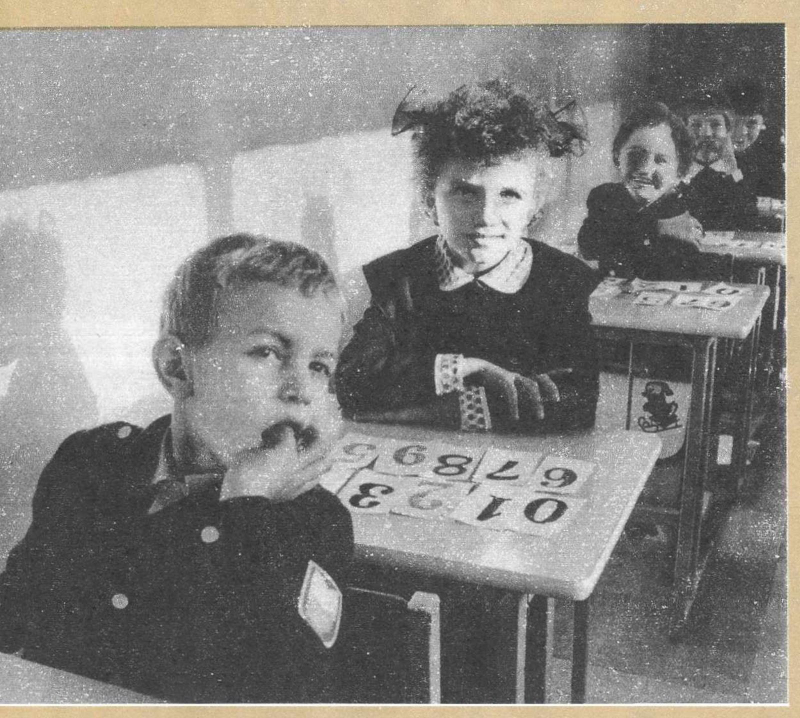
Школа готовилась к открытию подготовительного отсека продуманно; хоть и со страхом, но с любовью. Школа для шестилеток начинается с вешалки. Одна вешалка — общая, а в холле еще и свои шкафчики для сменной одежды. Шкафчики из детского сада, с которым подружилась директор Зоя Алексеевна. Из детского же сада и коврики для ног у каждой кроватки (пока ни кровати, ни шкафчики школе не положены). Шефы помогли, чем могли и что «выбила» Зоя Алексеевна. Художники расписали стены в холле, физкультурник подарил трапецию, канат и маты — пусть, мол, между уроками упражняются. Старшеклассники не без подсказки мето-

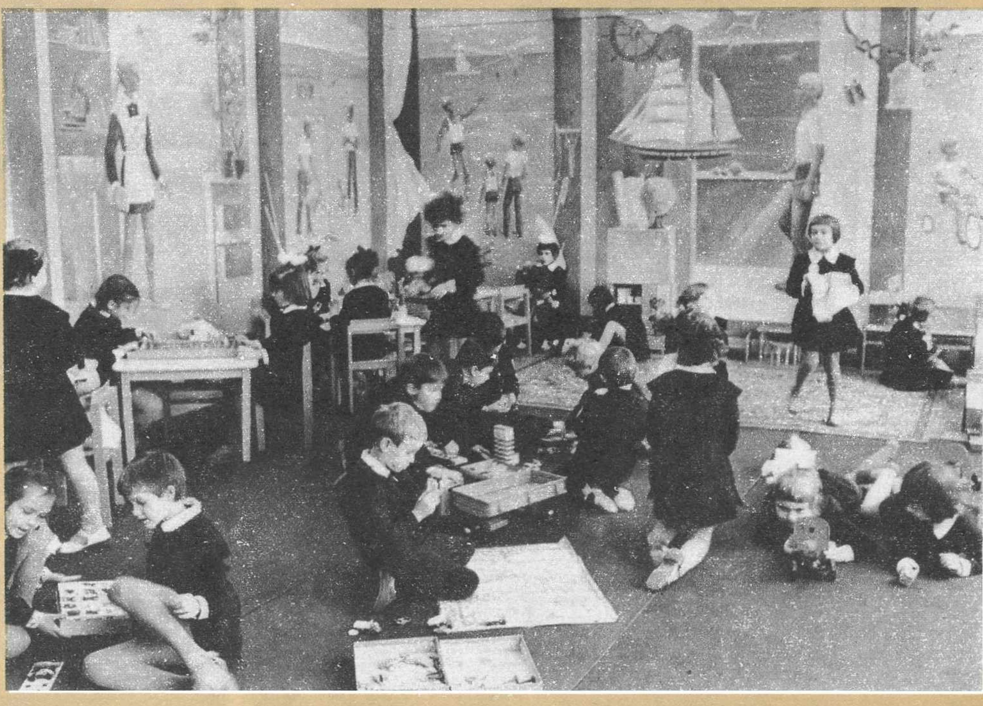
Вдох, выдох. Урок бодрости.

Повезло Андрюше: великан из 9-го класса познакомил его с Гулливером!

Идут занятия.

Игровая комната.

дистов и директора сделали во дворе школы спецплощадку. «Для нашего молодняка»,— пробасил один из них. И старшеклассники же выделяют каждодневно дежурных («дневная няня» — как пояснила свою задачу одна шестиклассница) в помощь учительнице «нулевки».

Итак, кто же она, «учительница первая моя»? В дмитровской школе это Лариса Ивановна Шведова. Директора, как призналась она, волновало, кто возьмет на себя бремя подготовки пореформенных учащихся шести лет от роду. Точнее, кому доверить двадцать восемь человек, безоглядно переступивших порог школы? Зоя Алексеевна встречалась, разговаривала со многими кандидатами. А когда очередь дошла до Ларисы Ивановны, сомнения отпали: она. И Лариса Ивановна решилась. А двадцати восьми детям в школьной форме привалило счастье. Большой опыт у Л. И. Шведовой, но тут, помимо опыта, надо иметь нечто материнское. И не по настроению или долгу службы, а врожденное и на каждый день с восьми часов до восемнадцати. Лариса Ивановна имеет это нечто. Она, конечно, прежде всего учительница, а ее подопечные — школьники, класс, но как Лариса Ивановна терпелива, тепла, уважительна с малышами (экое слово написалось, а вычеркнуть было бы неправдой).

Не каждая мать, не каждая бабушка излучает столько внимания, участия к своим детям. «Можно, сынок»,— слышал я, как Лариса Ивановна ответила на страстный шепот в самое ушко одного мальчика. «Сынок» — это не по программе, не по методике, это невольно, как дыхание.

Словом, помещение подготовили, учительница нашлась. Да не одна, есть у Ларисы Ивановны дублер — Вера Петровна Рыбалова, она готовится к своей миссии исподволь, ездит в Москву на методические совещания, ей вести шестилеток в будущем, потому что их наверняка будет больше, а Л. И. Шведова после первого (экспериментального) выпуска может воспользоваться правом уйти на пенсию.

А каковы же они, маленькие герои репортажа, пополнение знаменитой в городе 9-й школы? О, их надо видеть, с ними надо пообщаться и день, и два! Прелюбопытный коллектив! Да, уже коллектив, класс — это они успели за три месяца осознать. Они приходят в школу со всеми наравне; у них, как у всех тут, уроки, только каждый короче академического часа на десять минут, так что пока школьные звонки не для них. Конечно, они спят (девятиклассник Илья Шугаев сказал, что для него час дневного сна был бы любимым уроком). Они обедают со всеми другими классами в одной столовой, но у них есть еще игровая. Сон и просторная солнечная игровая — мостик из детства. Его еще не убрали. Пока. И малыши восприняли эту уступку школы как должное.

Но вот урок для них новость. И как они полюбили уроки, часы занятий! Может быть, из-за такта и увлеченности делом самой Ларисы Ивановны? Что знают шестилетки к концу второй четвер-

ти? Знают много: буквы и звуки. Это главное. Умеют писать почти все буквы. Читают слова, написанные на доске, и дружно подсказывают, если место одной из букв Лариса Ивановна оставила свободным. Конечно, играют. И на уроке, и в игровой комнате. И гуляют, то есть опять же учатся. Тоже охотно.

А теперь о переживаниях родителей. Мужчина, заглядывающий в класс,— это папа Сережи Зайцева; что-то его волнует, не выдержал... Хотелось подсмотреть плачущую бабушку, но ни одна из них не прослезилась, оставляя своего «кроху» в школьном вестибюле. Ольга Петровна Белокурова, бабушка Юли Павловой, сообщила корреспонденту:

— Юленька возвращается из школы серьезная, деловая, каждый раз с новым открытием, вечером проводит урок, а я учусь...

Мама Оксаны Трусовой:

— По-моему, все идет нормально. Заметный скачок в развитии дочери — дома постоянно с книгой, любит именно заниматься, писать, переписывать...

Мама Игоря Кружалина:

— В сад уже в прошлом году ходил без явного удовольствия, а тут новый стимул жить, действовать, просыпается и первый вопрос: «Сколько времени? Я не опоздал?»

Мама Стасика Ильина:

— Несколько раз просил завернуть в детский сад, там он хвалился, что теперь он школьник, показывал ранец, книги... Дети его возраста, конечно, тоже хотели бы в школу.

Юра Климов, как только услышал из телепередачи о школьной реформе, сам попросил родителей записать его в экспериментальный класс.

Марина Смирнова с пяти лет мечтала о школе и сейчас счастлива, старается. Ее мама сказала, что Марина проявить себя в детском саду не могла, не в чем было, а в школе она вроде бы нашла себя. В субботу заявила родителям: «Отдыхайте. У меня рабочий день».

Со стороны почти всем мамам приходилось слышать: «Вы лишили ребенка детства». Но люди както стесняются признаться, что не во всех семьях, к сожалению, обстановка воспитывает, и не все еще детские сады имеют педагогов, мастеров дошкольного воспитания. И нередко «рай дома» — это иллюзия. Школа — это система, режим, открытия и личное участие в общих занятиях, а рядом с игрой всегда настоящее дело, которому обучают.

— Кто расскажет мне о букве «О»? — спросила Лариса Ивановна. Лес рук. «Она хитрая... она может быть ударной... И безударной!»

Лариса Ивановна Шведова:

— Очень восприимчивый возраст. Острый умишко. Глаза, уши — все в постоянной работе. Конечно, непоседливы, разбрасываются, но все меньше и меньше. И каждый день они новые! Каждый день... Но уж очень эмоциональны, непосредственны в проявлениях чувств, так и норовят приласкаться, даже чмокнуть в щеку с пылом... А сюсюкать нельзя, здесь школа. Серьезное начало жизни — это хорошо для будущего. Память у них поразительно цепкая, все сразу хватает на лету.

— А своего внука пожалеете?

— Пожалею, только в том смысле, что обязательно запишу его в подготовительную группу. Сейчас ему пять, значит, в будущем году...

Подготовительный класс во главе с учительницей вышел на урок под открытое небо. Поднялись шумной вереницей на старый городской вал. Под ногами — 830 лет отечественной истории. Перед глазами — новый многоэтажный Дмитров. Лариса Ивановна рассказывает на ходу, с чего начинается Родина, с чего начинался родной город, тот самый, в котором ее слушатели живут уже шесть лет.

— Дети! Чем пахнет ветер? — спрашивает неожиданно Лариса Ивановна.

— Хле-ебом! — отвечает класс восторженно.

— Правильно, а почему?

Догадались почти все: неподалеку работает хлебозавод, он тут постоянный источник с детства любимого, сытного, теплого запаха. Лариса Ивановна рассказала притихшим ребятам:

— Вкусный ветер? Так пахнет воздух Родины. Запах хлеба — это очень старый запах на земле. Это запах родного дома и многих веков, которые живет наш родной город. Хлебом пахло и тогда, когда вот эти валы защищали древний Дмитров от врагов, когда в домах землепашцев и воинов был праздник, было сытно... А когда в воздухе пахло пожарищами, бедой, тогда на защиту Родины поднимались стар и млад...

Шестилетние горожане Дмитрова, уверен, запомнят этот солнечный, зимний день надолго. Навсегда. Потом я наспех проинтервьюировал некоторых из них, спросив, у кого какое слово самое любимое? В ответ зазвенело морозно и весело:

— Спасибо! Мама! Хлеб! Пожалуйста! Страна! Лес!..

Такие на вид маленькие, а как много уже любимых слов. Будет еще больше. Ведь они начинают с нуля. С «нулевки». Им еще жить да быть, да радоваться жизни, готовить себя к начальной школе.

Подбежал один из мальчиков: «А вы помните, как меня зовут?» Конечно, Игорек. И тебя помню, и Андрюшу Ульянова, и Варю Пурсанову, и Наташу Демченко, и Стасика, и Оксану, и двух, нет, трех Сереж! И Таню-Татьяну Курчук, которая живет рядом с древним городским валом Дмитрова. Всех, кто, сам того не зная, принял участие в грандиозном эксперименте великой страны. Страна — одно из любимых слов у них. Ш к о л а тоже любимое, только это само собой разумеется. А слово п р о б л е м а? Они его пока не знают.

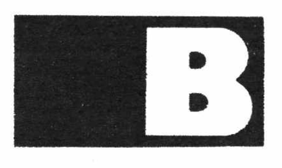
Детям до семи разрешается в школе поспать.

Меч и плуг

ТЕМА ВОЙНЫ И МИРА В СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Леонид ЕРШОВ,
доктор филологических наук

повести Леонида Леонова «Взятие Великошумска» есть примечательный диалог между старым школьным учителем Кульковым и его бывшим учеником, ныне командующим танковым корпусом, генералом Литовченко. На реплику учителя: «Ты против войны!» — следует ответ Литовченко: «Я не собирался быть солдатом, но раз коснулись меня огнем — горе им, кто обнажил меч неправедной и неразумной войны. Нам, которые голыми руками разворотили свою темницу и вырвались на простор Океана, ничто не страшно. Что фашизм! Мы пройдем сквозь него, как сквозь дым последнего дикарского костра».

Говоря об отражении событий второй мировой войны в современной литературе, критики еще совсем недавно могли давать оценку этого этапа «как самого трагического периода в истории XX века». Однако опыт последних лет вносит свою поправку. Что, если самое худшее не позади, а впереди? Ведь не исключено, что в леоновский прогноз относительно «дыма последнего дикарского костра» могла вкрасться чрезмерная доза оптимизма, не учитывающего прихотливых зигзагов атомного столетия. Колоссальная разрушительная мощь современной военной техники обрекает на уничтожение не просто одну из сторон конфликта, но земной шар в целом.

Нынешняя литература о войне все чаще использует жанр произведения-предостережения. Это не значит, конечно, что раньше таких книг не создавалось. Но если прежде суть предостережения сводилась к тому, что в критический момент истории проходит проверку на жизнеспособность то или иное государство, тот или иной общественный строй, то ныне аморализм и насилие агрессора, алчность атомных маньяков могут привести к гибели всей планеты.

В первые послевоенные годы в нашей литературе широко распространилась собственно батальная проза (роман-хроника, мемуарно-документальная повесть и т. п.) с ее летописной компоновкой сюжета, добросовестной описательностью и умеренной аналитичностью.

На переломе 50—60-х годов явно наметился отход от панорамности к аналитической манере письма, началось более глубокое осмысление не просто фактов и событий, но постижение закономерностей мирового развития. Достаточно вспомнить художественные открытия А. Твардовского, М. Шолохова, Л. Леонова.

В «Судьбе человека» Михаила Шолохова лапидарно и вместе с тем необычайно внутренне емко запечатлен характер русского человека — мужественного, щедрого душой, беспредельно скромного. Судьба Андрея Соколова неотделима от исторических судеб страны, народа. Тяжелые бои, «нелюдские муки» плена Соколов переносит с необычайным мужеством, что вызывает яростную ненависть у врага: «Били за то, что ты — русский, за то, что на белый свет еще смотришь... Били и за то, что не так взглянешь, не так ступнешь, не так повернешься. Били запросто, для того, чтобы когда-нибудь да убить до смерти...»

Писатель раскрывает противоестественный, антигуманный характер войны, показывает состояние войны как оскорбление самого человеческого рода. Шолохов доходит в своем произведении до корневой и в то же время многозначной сути слова «оскорбление». Именно об этом со сдержанной яростью говорит Андрей Соколов: «За что же ты, жизнь, меня так покалечила? За что так исказнила?»

Советской литературой, особенно писателями фронтового поколения—Виктором Астафьевым, Анатолием Ананьевым, Юрием Бондаревым, Василем Быковым, Борисом Васильевым, Константином Воробьевым, Олесем Гончаром, Евгением Носовым, Константином Симоновым, Иваном Стаднюком,— сказано свое слово о глобальной теме современности. Их прозе за счет сужения событийного материала, за счет концентрации внимания на внутреннем мире героя, с помощью углубленного художественного анализа и лирического подтекста удалось добиться очень многого. О мощи собственно философского направления в осмыслении темы войны и мира свидетельствуют разветвленность и многообразие его жанрово-стилевых разновидностей. Здесь и, условно говоря, философско-драматическое, эпико-философское крыло (Ю. Бондарев, П. Проскурин), и лирико-философское (В. Астафьев, К. Воробьев, Е. Носов). Художник выходит на диалог с временем, стремясь постичь связи между эпохой, судьбой народа в годину военных испытаний и индивидуальным человеческим характером.

Стремление к эпичности с особой полнотой воплотилось в дилогии Петра Проскурина «Судьба» (1972) и «Имя твое» (1977). Мирное время озарено здесь сполохами Великой Отечественной, она входит в сердца и мысли героев, определяя их деяния и чувствования на десятилетия. Диалектика души главного героя дилогии Захара Дерюгина, полной мерой испившего из чаши мира и хлебнувшего горького хмеля войны, раскрыта как воплощение трудных и сложных путей развития нации на крутых излучинах истории.

Духовные драмы времени, напряженность нравственных исканий человека эпохи НТР, нелегкое счастье строителя нового мира — все это выверяется в лучших произведениях нашей литературы по тому камертону, имя которому — духовное наследие Победы. Проблемы «человек и земля», «человек и гражданская история» получают в это время драматическое или даже трагедийное освещение.

1418 дней и ночей не просто битва армий, но сражение идей, отстаивание высоких социально-нравственных принципов. Думается, особенно значительны заслуги Юрия Бондарева в художественном постижении жестокой правды войны, в высочайшем искусстве поэтизации бесценных благ мира.

Проза Ю. Бондарева — большое явление, значение которого во многом еще не раскрыто нашей критикой. Здесь сплелись воедино трагизм и лирика, философское раздумье и мастерство живописно-образной пластики. Для писателя характерны не батальные решения, не событийный момент, а углубленное исследование человеческой души. Не просто обостренная социальная конфликтность, но выявление становых противоречий бытия.

«Берег» (1975) — это роман о нелегкой цене Победы в самой кровопролитной из войн, о тех невосполнимых утратах, что понес наш народ, отстаивая свою свободу и независимость. О берегах человеческого счастья, к которым нет иного пути, кроме борьбы за мир. В «Береге» военная тема не просто дополнена изображением современности, прямой перекличкой событий, отдаленных друг от друга дистанцией в четверть века. Здесь фронтовые годы освещены философской мыслью, обогащенной современным представлением о судьбах прошлого.

Ю. Бондарева давно волновала и тема выбора. Интерес художника понятен, ибо, как он сам писал, именно эта проблема «дает возможность исследовать не самое войну (это задача историков), а возможности человеческого духа, проявляющиеся на войне». В романе «Выбор» (1980) исследуется не казус (Илья Рамзин не заурядный изменник, не обычный трус и дезертир), но сложное социально-психологическое явление. В исключительной судьбе персонажа подмечено то, что при определенных условиях может перерасти в тенденцию. И самое страшное: узкая полоска земли, которая на фронте разделяет противников, в сознании Рамзина под натиском удобных софизмов обретает спасительные черты нейтральной территории.

Личная драма Рамзина перерастает в трагедию, ибо прежде всего это драма мировоззрения. Истоки его деградации, или, как бы сказали в старину, порчи,— в духовной капитуляции, которая началась задолго до известного фронтового эпизода, еще в условиях мирной обстановки («накачивание» мускулов при явном утеснении нравственных начал и прежде всего совести). Писатель развенчивает умно и тонко культ грубой силы. Ведь в глобальном масштабе эта «демонстрация мускулов» может обернуться такими играми, от которых не поздоровится планете.

Новое постижение Ю. Бондаревым темы войны и мира как раз и состоит в том, что им показана иллюзорность теории "личного гедонизма" в эпоху противостояния двух миров, развенчан идеал сытости и потребительства на призрачной «нейтральной полосе» и философия преуспевания под тенью золотого тельца.

Философская концепция «Выбора» — это противостояние духовности и бездуховности, светлого мира добра, эмоциональной щедрости, таланта — бездарности и эгоцентризму, социалистического образа жизни — рваческой морали потребления.

Исключительно значение в литературе последних десятилетий повести В. Астафьева «Пастух и пастушка», на страницах которой по-новому дано соотношение макрокосмоса и микрокосмоса войны, героического и трагического начал, а образ войны осмыслен в свете раздумий над острейшей загадкой наших дней — «человек и время». Вот почему для такого типа произведений столь важен принцип соотнесения нынешнего с минувшим. Именно такова композиция этой удивительно насыщенной глубокой художественной мыслью повести В. Астафьева, где военное прошлое и современность сопрягаются в единое целое.

Особая разновидность философской прозы о Великой Отечественной — творчество Василя Быкова. Здесь в центре углубленный анализ этических истоков подвига, моральной ответственности за каждый шаг поведения на войне, причем герой показан часто в самой экстремальной ситуации. Отсюда подлинный трагизм книг белорусского писателя.

В своей последней повести, «Знак беды», писатель особенно близок к древней символике плуга и меча. Здесь, как в никаком из его прежних произведений, звучит тревога за будущее нашей планеты. Стремлением отойти от локальных решений продиктовано и смелое обращение к высокой аллегории, мифологическим мотивам.

По прошествии десятилетий тема Великой Отечественной, будучи всегда остроактуальной — незаживающая рана народа,— все более

становилась предметом эпического, историко-аналитического исследования. Достаточно вспомнить об опыте «панорамного романа» (К. Симонов, А. Чаковский и др.), широких эпических полотен А. Иванова, И. Стаднюка.

Многоплановое повествование Анатолия Иванова «Вечный зов» вместило судьбы родной истории и истории индивидуальных человеческих судеб. Есть в этом романе ключевая фраза: «Как в омут нырнул он, Алейников, во фронтовое месиво огня и смерти...» Поэтому, как в древние времена, бой—«крещение огнем и кровью».

Только что появился очередной (третий по счету) фрагмент из еще не опубликованного полностью романа Леонида Леонова. «Мироздание по Дымкову» («Новый мир», 1984, № 11) — произведение удивительно умное по мысли и остроте социально-нравственных наблюдений. Трудно гадать, как выстроится целое здание, но не исключены осторожные суждения о новом в творческой эволюции крупнейшего художника современности.

В первом фрагменте нового романа «Последняя прогулка» (1979) и особенно в «Мироздании по Дымкову» повествование приобретает уже вселенский характер. Время ведет отсчет не только по земным, но и космическим координатам, а бездна человеческого могущества может обернуться панихидой по планете, застывшей у роковой черты. Вот почему все окрашено даже не в трагические, а какие-то скорбно-сардонические тона.

Однако, как и свойственно русской национальной традиции философского жанра, многое здесь осердечено, лишено подчеркнуто рационалистической игры ума, того суховатого логицизма рафинированного интеллекта, что порою выдается за эликсир мудрости. Более того, видна скрытая полемика с модной ныне научно-фантастической литературой, занятно играющей парсеками, фотонами, черными дырами и прочим взятым напрокат из третьих рук скарбом. В прозе Леонова все заземлено, прослоено ядовитейшей иронией и вместе с тем тревожно-скорбно. Но ведь именно так и создается истинное, большое искусство.

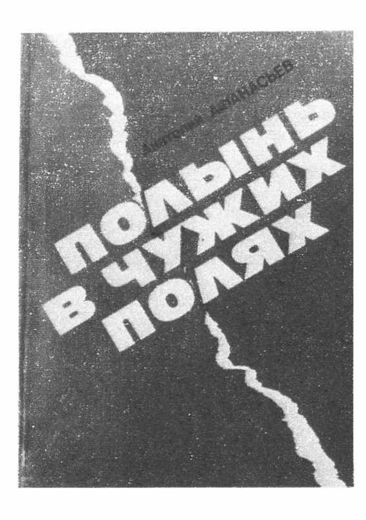
Автор «Мироздания по Дымкову» как бы возвращает нашу мысль к позициям Ф. Достоевского и Л. Толстого, но уже на принципиально новом витке исторической спирали. Так рождается напитанный горечью эмоций, исполненный глубины и прозорливости анализ: «Дьявол слишком хитер, чтобы оставлять следы на месте преступления. Знаменитые пожары прошлого возникали от обыкновенной людской спички, которая сгорала в первую очередь, заодно с поджигателем. Наиболее подходящим предлогом к такому развороту событий, не теперь, так в следующий раз, могло бы послужить подоспевшее, на вполне логическом перепутье, противостояние полярных социальных систем. Все станет возможно в запале, когда элита богачей, встревоженная близостью грядущих перемен, рискнет на отчаянную вылазку с применением адских, высшей убойности новинок вроде: поджечь океан у берегов противника либо, проломив защитный купол озоносферы, обрушить рентгеновскую бездну на его территорию, словом, собственной головой швырнуть в ненавистную мишень. Легко представить недолговременное счастье знати, отсидевшейся в подземных норах от необратимых последствий катастрофы. Уцелевшие от боли и безумия, они будут сдыхать от крыс, смрада и кровавой рвоты при виде повсюду разлагающейся человечины. Ибо даже для прежней могущественной цивилизации было бы непосильно в пределах санитарной срочности предать земле многомиллионный, по первому заходу, укос смерти...»

В русской классической традиции, особенно в литературе социалистического реализма, справедливая, революционная, освободительная война никогда не отождествлялась с разбойным посвистом меча. Это был тяжкий — с кровью и потом — труд ратных людей. В «Русском лесе» Л. Леонова главный герой Иван Вихров напутствует приемного сына Сережу и его друга перед уходом на фронт. Звучат вещие слова: «...Пора и вам впрягаться в наш старый, священный плуг. Ведь мы не вчерашние, мы древние...»

Мирный плуг, а не бранный меч — вот символ всей нашей жизни, нашей литературы.

Ленинград.

ГОРЬКАЯ ПОЛЫНЬ ЧУЖБИНЫ

Чрезвычайно ответственная задача: в работе, предназначенной для молодежной, а следовательно, не особенно искушенной аудитории, рассказать о сложном процессе эмиграции из нашей страны, ее прошлом и настоящем. Сделав это доходчиво, убедительно и ярко, используя не только сугубо научный, но и собранный в результате многолетних журналистских наблюдений материал, показать, как в первые годы Советской власти, в наши дни империалистическая реакция использовала и использует контрреволюционную эмиграцию для идеологических диверсий против СССР, других стран социализма.

Скрупулезная исследовательская работа предшествовала выходу в свет книги кандидата философских наук Анатолия Афанасьева «Полынь в чужих полях»: сотни тщательно просмотренных документов, старых и новых подшивок десятков издающихся за рубежом на русском языке газет; многочисленные личные встречи с людьми трагических судеб, покинувшими в свое время по тем или иным причинам Родину... В основе книги поистине уникальный материал, который помогает не только разобраться в хитросплетениях идеологического противостояния наших дней, но и заставляет еще и еще раз задуматься над тем, сколь много значит для человека Родина.

Книга адресована молодежи не случайно. В стратегии антикоммунизма молодые умы — особо важный объект. Размыть патриотизм советской молодежи, обворожить ее блеском капиталистической витрины, навязать космополитическое мышление — именно на это уповают наши идейные враги. Разложение социализма изнутри — таково кредо современного антикоммунизма и антисоветизма. Состряпанные эмигрантскими идеологами мифы о «советской военной угрозе», о «несовместимости» демократии и социализма, о «тоталитарном» характере первого в мире социалистического государства, вымыслы о якобы имеющих место «нарушениях прав человека и отсутствие свободы личности в СССР» и в наши дни составляют «золотой фонд» антикоммунистической и антисоветской пропаганды.

Книга А. Афанасьева густо «заселена» людьми. Судьбы наших соотечественников, по своей или чужой воле оторванных от Родины, трансформация взглядов большой группы российских эмигрантов, прошедших путь от неприятия Советской власти до полного ее признания, активное участие многих выходцев из нашей страны в движении Сопротивления, когда лучшие из эмигрантов помогали приблизить победу над гитлеризмом,— это и многое другое находится также в поле авторского внимания. Немало в книге фактов, полностью разоблачающих тех, кто так печется о «свободе выезда» из СССР. Глубокой горечью проникнуты строки книги о трагедии на Западе так называемых «перемещенных лиц». «Более 700 бывших советских военнопленных,— рассказывает А. Афанасьев,— а также «восточных рабочих» (т. е. угнанных в фашистскую неволю советских граждан) содержатся в психиатрических заведениях земли Баден-Вюртемберг, а всего в ФРГ их свыше 6 тысяч». Эти люди, у многих из которых, вероятно, живы близкие, и сегодня подвергаются усиленной обработке.

Интересен авторский рассказ о судьбах бывшего российского эмигранта В. Смирнова, ставшего генерал-майором Югославской народно-освободительной армии, «волонтеров свободы», бойцов интербригад в Испании, в том числе политкомиссара интербригады Г. Шибанова, бывшего гардемарина царского флота, о тех, кто подчас после мучительных сомнений и раздумий нашел себя, свое место в новой, преображенной Октябрем России.

Исследование А. Афанасьева привлекает также четкостью структуры, временным протяжением (от первых лет революции — главы «Особая полка», «От анафемы к демагогии», «Под золой эмиграции» — до дней сегодняшних), обширной фактографией, емкостью авторской строки, той откровенностью, с которой раскрыта тема. Сказано веское авторское слово и о нынешних перебежчиках, для кого притягательность западного «рая» обернулась прислужничеством антисоветизму. О том, что несет человеку потеря Отечества, что дает его обретение, о святости Родины заставляет задуматься эта книга.

Максим ИВАНОВ

А. Афанасьев. Полынь в чужих полях. М., «Молодая гвардия», 1984, 318 с.

В ЗЕРКАЛЕ ПАРОДИИ

У жанра литературной пародии — давние традиции, свое яркое созвездие имен, свои взлеты и падения. Во все времена настоящая пародия оказывалась не только острым сатирическим выпадом, но и согретой мягким юмором улыбкой. Она не только колола, но и лечила, выступая своеобразным продолжением критики.

В нашем столь обширном и разноголосом поэтическом цехе у пародии прочно завоеванные позиции. Пора несколько иронического и пренебрежительного отношения к ней миновала, сегодня поэты-пародисты в чести, и число поклонников этого жанра растет.

Среди тех, кто уже ряд лет способствует его популярности, прививает читателям вкус к хорошей пародии и раздвигает границы жанра, Алексей Пьянов. «Крокодил», «Юность», «Литературная газета» — мы привыкли встречать на их страницах его тонкие и остроумные пародии. В свое время они составили маленькую книжечку «Оплошали мужики», выпущенную в «Библиотечке «Крокодила» и пользовавшуюся читательским успехом. И вот перед нами новый сборник поэта — «Что посеешь...».

По сравнению с предыдущей книжкой в нем значительно расширен круг пародируемых авторов, которых зеркало пародии (отнюдь не кривое!) отразило в характерных особенностях. Причем на качественно иной уровень поднято здесь само «узнавание» — оно теперь сильнее проступает изнутри. Разнообразнее стали как тематика, так и жанровые формы, отточенней и лаконичней стилистика... Словом, налицо серьезная творческая работа.

«Дружеские комментарии» — подобное название основного раздела книги не случайно. При очевидных достоинствах зоркого критика, умеющего подметить скрытую подчас в стихах фальшь и несуразицы, А. Пьянов — пародист добрый. Он уважает своих оппонентов и не позволяет себе злословия даже в самых нелицеприятных пародиях, чем, увы, нередко грешат некоторые его коллеги. И, надо сказать, дар пародиста от этого ничуть не тускнеет. Напротив, вызывает большее доверие.

Вот почему, думается, емкий и к тому же изящный, в юмористическом духе оформленный (художник А. Сальников) новый сборник поэта не пройдет мимо внимания читателей.

А. ЕВСЕЕВ

Алексей Пьянов. Что посеешь... М., «Советский писатель», 1984, 112 с.

Даррелл на Кавказе

Борис
СМИРНОВ

Известный всему миру ученый-натуралист, писатель, автор и участник многих документальных кинофильмов Джеральд Малколм Даррелл почти три недели провел в СССР. По приглашению Гостелерадио СССР он прибыл к нам в составе съемочной группы канадской телекомпании «Примедия» для работы над тринадцатисерийным фильмом об охране и восстановлении численности редких животных. Темой для первой серии стал Кавказ. Задач у киногруппы было много, времени мало, и специальные корреспонденты «Огонька» смогли встретиться с Д. Дарреллом лишь на месте съемок — в горах.

Портрет любимого писателя... Каждый, кто прочел пусть даже одну из трех десятков книг Даррелла или хоть раз видел его на телеэкране в мире животных (здесь можно обойтись и без кавычек), каждый вправе сказать, что он хорошо знает этого человека. Мало кто из писателей умеет так открыто и весело описывать самого себя. Правда, и другим его героям изрядно достается, но к себе автор порой ироничен до беспощадности! Я тоже всегда считал Даррелла «своим», и вот появилась возможность увидеть его не на титуле книги, не на телеэкране, а в жизни, и все воображаемые и навязанные чужой рукой портреты теперь должны слиться в единый реальный образ... Может, я слишком драматизирую обстоятельства, но этим вступлением надо объяснить, почему мы хотели увидеть Даррелла не в Москве, а в более подходящей для этого образа романтической обстановке. Итак, мы стремились к свиданию, о котором вторая сторона, разумеется, и не подозревала. Вот наконец в проеме дверей обозначилась высокая плотная фигура. Даррелл (ошибиться невозможно!) был в толстом белом свитере, синих вельветовых брюках. Рядом, в таком же дорожном одеянии, стояла его жена — Ли Даррелл. На свитере писателя едва заметно проступало изображение дронта — экзотической птицы, уже полностью истребленной: почему писатель выбрал своим символом именно эту, увы, не существующую уже птицу? Может, он хочет, возмещая несправедливость, хотя бы так сохранить память о ней?

Спросить не удалось, нас пригласили в глубь комнаты, к теплу камина. Здесь расположились четверо участников киноэкспедиции. «Еще двое, оператор Родней Чартерз и его ассистент Пот Четт, сегодня ночуют в горах, они хотят снять на рассвете каких-нибудь животных. Мы в тепле, а они в снегу, в спальных мешках»,— объяснил Даррелл, представляя нам своих коллег. Атмосфера некоторой скованности быстро развеялась от множества приветственных жестов, взаимно заменивших недостаток иностранных слов (впрочем, английское «здравствуйте» и русское «гуд дей» прозвучали вполне уверенно). Слегка обессиленные этим первым раундом встречи, мы опустились в кресла.

— Я хочу сделать официальное заявление для печати,— сообщил Даррелл. — Вы присутствуете при самом значительном событии в моей жизни!—(Я решил было, что речь идет о нашем интервью, но Даррелл быстро развеял эту самонадеянную иллюзию).— Не подумайте, что я произношу общую фразу, но я действительно давно мечтал побывать в вашей стране, с тех пор, как начал разъезжать по миру. Лет девять назад эта идея стала более реальной. Наконец, в восемьдесят первом году Пэт Фэрнс, исполнительный директор телепрограммы, сказал мне: «Все, ты едешь в Россию!» Мы долго готовились к поездке в незнакомую страну, но, оказавшись на ее земле, немного растерялись. Тогда мы решили найти поддержку у милиционера, который тут же сказал, что знает меня по книгам и считает своим другом. Я был просто поражен, что с первых секунд на советской земле стал повсюду находить настоящих друзей..

(Ценители литературы могут заметить здесь погрешности против знаменитого «дарреллловского» стиля: им следует учесть, что торжественность момента и известная взволнованность мешали мне записывать разговор дословно. Таким образом, «дарреллизм», как называют этот стиль в Англии, мог сильно пострадать в моем изложении, зато за достоверность смысла приведенных здесь высказываний автор готов нести ответственность.)

— Меня многое поражает в Советском Союзе: и то радушие, с которым нас встречают, и необыкновенные красоты вокруг меня. Нам предоставили вертолет, и мы смогли побывать в таких уголках Кавказа, которые никогда не видел здесь ни один иностранный турист...

— Это впечатления писателя. А зоолога?

— Нет, вы меня не сбивайте, я хочу сделать еще одно заявление! — упрямо-шутливо настаивал Даррелл. — Я не собираюсь упускать момент, когда мне хочется сделать «политическое заявление», потому что обычно я в политике участия не принимаю. Так вот, наш фильм и моя будущая книга условно названы «Приключения Даррелла в России». Я не согласен с этим, вернее будет сказать: «Шаги в нужном направлении», даже «Шаги направо». Обычно, намечая на карте маршрут своей новой экспедиции, я обращался от Англии влево, на Запад, сейчас впервые повернулся направо...

«Конечно, дело не в политике, дело в том, что человек с умом и проницательностью Даррелла сможет рассказать правду об увиденном»,— думал я, торопливо записывая разговор. И отмечал про себя, что в любом качестве — ученого, писателя или, неожиданно для него самого, политика — этот человек все же остается самим собой, тем Дарреллом, которого мы полюбили по книгам. Мягкий юмор пополам с серьезными обобщениями, свободная образность — и снайперски точно взятая деталь бытия.

— Я встретил здесь очень серьезное отношение к проблемам сохранения редких видов животных... Выступая в Московском зоопарке, я прочел в глазах одного из своих новых друзей столько понимания и теплоты, что мысленно с ним поцеловался. Моя жена скажет, что мужчинам даже в мыслях целоваться не положено, но я иначе не могу отразить единение с тем миром, который еще вчера считал незнакомым. Все же это недостаток — путешествовать со своей женой...

Запас впечатлений неистощим: гости рассказывают о зубрах, которых они очень близко видели с вертолета. «Бегущие зубры — это незабываемо!» — продолжает и сейчас восхищаться Джеральд. По хорошему настроению всей киногруппы, по вспышкам общего веселья чувствуется: гости довольны своей работой. А сколько рассказов о наших ребятах-помощниках! Даррелл торопливо поднимается с кресла — хочет показать, как ему с больной ногой трудно было забираться на лошадь, а лесник Виктор Салтыков один снимает его (не юношу!) с седла и держит на руках! Все восхищены сочинскими шоферами: кто бы мог подумать, что по таким горам могут ездить «джипы»! А один из водителей, Саша Гленин, рассказывал мне потом, когда все уже разошлись, о Даррелле: «Понимаешь, такой человек: мы вчера до снегов поднялись, буксуем, а он увидел, что у меня руки посинели, тут же сорвал с себя кожаные перчатки и меня заставил надеть...»

Всю ночь вокруг кордона, тренькая колокольчиком, бродила расседланная лошадь, а утром, с первыми лучами солнца, у крыльца уже сидели все четыре местные собаки, умильно поглядывая на закрытые пока двери. Подошла и Майка — олениха с давно зажившим переломом ноги, совсем домашнее животное, вольно живущее на кордоне. Будто знают звери, к кому тянуться... Даррелл, сидя на теплом утреннем солнце, оглаживал всех по очереди. Вернулись с «холодной ночевки» операторы, взбаламутил горную тишину прилетевший вертолет — и поехал, понесся новый день киногруппы. Гора оранжевых боксов с кинопленкой, рюкзаков, чемоданов в наклейках со всего света с трудом вместилась в просторный салон «ми-восьмого». Едва вертолет взлетел, Даррелл буквально вдавился в блистер, стараясь не пропустить ни единой из проносящихся внизу картин. А горы действительно были великолепны. Раскрашенные багрянцем леса виделись сверху пышным лисьим мехом, наброшенным на скалистые уступы. Пенистые ручьи с прозрачной в эту пору водой были отсюда не бело-голубыми, а только белыми... Нас, хозяев, почему-то обуяла такая гордость за свой Кавказ, словно мы сами его создали, а гости не жалели ответных эмоций: им со стороны даже проще было судить, чего стоит сохранить эту первозданную красоту в двадцати минутах лета от Сочи.

Едва вертолет приземлился, оператор Родней Чартерз с камерой выскочил наружу. «Внимание, все остаются в кабине, Ли и Джеральд первыми сходят на землю!» Снимается очередной киносюжет. И тут же удача: три крупных орла плавно кружат над поляной. Оператор не отрывался от камеры до тех пор, пока орлы, вдоволь попозировав, точками растворились на фоне белых вершин. Родней радовался так, словно снять ему удалось по крайней мере птеродактилей... Тем временем звукотехник Ингрид Куснел, снарядив длиннейший микрофон, застыла у зарослей — там запела зарянка. Метрах в двадцати кто-то зачиркал спичкой — Ингрид сердито взмахнула рукой: тише, посторонний звук! Идет запись... Потом Даррелл, закончив записи, сунул в карман свой дневник, и режиссер программы Поль Ланг, движением римского патриция забросив на плечо концы длинного шарфа, повел всю группу за облюбованный им выступ скалы. «Сейчас, ребята, идти с ними нельзя, помешаем: будут снимать Джеральда на фоне гор, пока он произносит свой комментарий»,— предупредил нас Герман Соломатин, режиссер телепрограммы от Гостелерадио и бессменный переводчик группы. Что же, работа есть работа, даже на высоте двух тысяч метров.

Она продолжалась и в тот момент, когда Даррелл, переезжая верхом через ручей, едва не сорвался в воду (будет, наверное, веселый эпизод в его новой книге!). И когда перегруженные «уазики», карабкаясь по дороге, двигались к новой точке, долговязый веселый научный консультант Джон Хартли нашел себе место... на бампере машины и стал объектом града веселых шуток; Даррелл, посмеявшись со всеми, что-то черкнул в дневнике — может, мелькнула удачная мысль, находка? Впрочем, это неблагодарное дело — домысливать за других чужую работу. Пусть расскажут сами, как им видится наша страна. Пусть этот фильм сберегает маленьких птичек и укрепляет большую дружбу. А мы богаты не только Кавказом: есть у нас и Байкал, и уникальные заповедники Средней Азии, и неповторимые красоты Сибири. Для друзей наши двери открыты, приезжайте к нам еще, Джеральд Даррелл!

●

Ли и Джеральд Даррелл на Кавказе.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Здесь снимается фильм о жизни горного заповедника.

Фото Д. ДЕБАБОВА

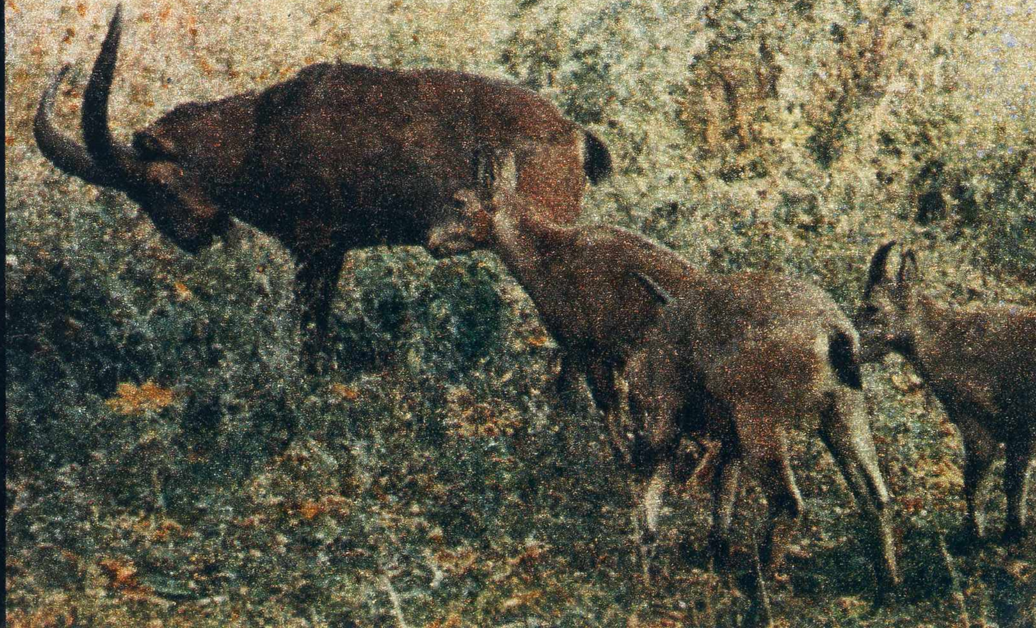

В гармонии слова и звука

О. ПЕТРИЧЕНКО

Не знаю почему, но после встречи с Валерием Гаврилиным вспомнился мне не город-поселок, а маленький, захолустный Сургут, еще не ведавший о своем грядущем нефтяном величии, о том, что имя его прогремит, символизируя неисчерпаемые богатства Сибири, величие советского человека, сумевшего, несмотря на топи и тайгу, приступить к освоению воистину несметных сокровищ.

И ведь не о музыке говорили мы с Гаврилиным и тем более не о проблемах энергетики и запасах голубого топлива. Говорили о человеке, его месте в жизни — таинственном, зачастую самому человеку неведомом предназначении.

А память вдруг унесла в заснеженный, по крыши заметенный январскими вьюгами Сургут. В уютную, ладную горенку, все богатство которой — книги, старинный, более ста лет от роду, рояль «Мюльбах», фикус в кадушке и небольшой бюст Петра Ильича Чайковского на письменном столе. Здесь, в доме № 1 по улице Ленина, долгие годы жил скромный учитель местной школы Аркадий Степанович Знаменский.

Это был замечательный русский человек из числа просветителей-подвижников, никогда не отступавших от светлых идеалов революционной юности, звавшей их в дальнюю, часто опасную дорогу, чтобы в самых глухих уголках России сеять «разумное, доброе, вечное». Не на месяц, не на год, навсегда связал он свою судьбу с «убогой, всеми забытой, затерявшейся в лесу деревушкой»— так отзывался накануне Великого Октября о будущем городе знаменитый путешественник Семенов-Тян-Шанский.

Блестяще образованный, равно знавший математику и философию, иностранные языки и литературу, Знаменский не зарыл свой талант в здешнюю суровую землю, как ему предрекали. Наоборот, совершил настоящий гражданский подвиг, сумев в сложнейших условиях вырастить созвездие одаренных учеников, проявивших себя едва ли не во всех отраслях культуры, науки и техники, включая космонавтику. Они, его ученики, с блеском выдерживали экзамены в самые «престижные» вузы страны.

Не чаяли в нем души маленькие россияне, ханты и манси. Они и в зрелости своей сохранили искреннюю, глубокую любовь к человеку, давшему им не просто образование — крылья.

Его служение людям заслуживает иного — подробного описания. А меня в этой судьбе поразила музыка; та роль, что сыграла музыка в жизни большинства его учеников. Мне довелось познакомиться со многими из них, и после бесед, встреч с ними довоенный Сургут, насчитывавший чуть более тысячи человек (население современного многоквартирного дома), предстал совсем в ином свете. Оказывается, уже тогда силами Знаменского и его коллег здесь ставилась «Русалка», готовились сцены из «Бориса Годунова», «Евгения Онегина»... Как самое дорогое вспоминают ученики, поседевшие, давно пережившие учителя, долгие зимние вечера в горнице Аркадия Степановича, его негромкий голос, уносивший сквозь века и страны под аккомпанемент старого «Мюльбаха» завороженных слушателей.

— Бетховен, Моцарт, Чайковский стали фундаментом нашей культуры; без музыки ни один из нас не состоялся бы как ученый и как личность,— заметил известный советский востоковед, доктор исторических наук П. А. Грязневич.

Подобное культурное наставничество — прекрасная традиция отечественной интеллигенции.

Тем тревожнее складывается ситуация сегодня, когда «музыкальное образование» нынешнего молодого учителя, инженера, одним словом, человека, формально числящегося интеллигентом, сводится к умению нажимать кнопки на панели магнитофона или проигрывателя. Он и в живописи не отличит Репина от Сурикова, и в литературе его интересы ограничиваются детективным жанром.

Что это: вина или беда?

— Я вижу пустующие залы в концертах современной музыки, мне снятся руки, выключающие радио, когда звучит современная соната или симфония, меня преследует недоуменный слушательский вопрос: «Чем вы, серьезные композиторы, занимаетесь?»

Вот так, не перекладывая ответственности ни на чьи плечи, подходит к этой непростой проблеме композитор Валерий Гаврилин. И в творчестве своем последовательно и убежденно отстаивает выстраданную мысль: искусство — средство передачи чувств. Если чувство не передается, искусства вообще нет.

Подобная категоричность не сулит легкой жизни. Она рождена жизнью честной, а честная редко бывает легкой. Собственная судьба В. Гаврилина подтверждает это в полной мере.

Начало судьбы — в горьких военных годах. В августе сорок первого погиб под Ленинградом отец; безвременно ушла из жизни мать. Было сиротство, был детдом. Но была и волшебная вологодская земля, красоты и мудрости которой не понять тому, кто на ней не жил, кто не испил из ее чистейшего простонародного родника.

Пережив боль утрат и навсегда сохранив в душе чистоту бездонного северного неба, Гаврилин стал сначала поэтом, а потом, ощутив глубину слова,— композитором...

Лучшее из созданного им, включая «Русскую тетрадь», впервые принесшую ему широкую известность, сильно редчайшей гармонией слова и звука. Я видел его рукописи и уверен, что в публицистике, прозе дар Гаврилина тоже способен проявить себя в полной мере.

Требовательность Гаврилина к себе поистине беспредельна. Нет у него, наверное, сочинения, увидевшего свет без долгих, порой мучительных сомнений в его необходимости для слушателя. Не случайно имя композитора столь редко появляется на афишах. Его образ жизни, аскетический, замкнутый, подчинен диктату труда. И полностью исключает ту неизбежную, казалось бы, суету, которую приносят с собой популярность и слава.

А в итоге все, что делает композитор, оставляет впечатление полета. Все родственно тому поистине колдовскому возвышению души, которое исконно свойственно народной русской песне. Грустная ли, веселая ли, она обязательно отыщет в каждом из нас свою созвучную струну. И то ли в пляс, то ли в слезы сдвинет человека: загорится он сердцем.

Внешне, хронологически, его путь на редкость ясен и прям. Талантливого солиста детдомовского хора приметил ленинградский музыкант и позаботился, чтобы его приняли в школу при Ленинградской консерватории; в 1964 году он окончил консерваторию, а всего через три года, 28 лет от роду, становится самым молодым лауреатом Государственной премии РСФСР имени М. И. Глинки. Уже ранние его работы в области композиции привлекли внимание Д. Шостаковича, А. Хачатуряна, В. Соловьева-Седого — они предсказали ему большое будущее. Валерием Гаврилиным написаны оперы, музыкальная комедия, музыка к драматическим спектаклям, фильмам. Есть даже телебалет «Анюта», поставленный на ленинградском телевидении режиссером Александром Белинским.

Одним словом, работает он много в самых разных жанрах, но главным считает песню, подчеркивая, что в старых учебниках композиции симфоническая форма называлась песенной.

Если говорить об успехе, выпавшем на долю Гаврилина, то примечательно: по времени успех где-то совпадает с возродившимся, набирающим силу интересом общества к отечественной истории, фольклору. Явление это неоднозначно. К сожалению, оно успело уже обрасти и псевдопопуляризаторами, которые спешат погреть руки на «ходовом товаре». Но, к счастью, в авангарде идут большие художники. К их числу, безусловно, относится ленинградский композитор.

Он не забывает родной Вологодчины. Часто ездит туда. И вообще не упускает возможности побывать в российской, особенно северной глубинке. Там еще сохранилась, еще держится та песенная первооснова, на которой и взошла отечественная музыкальная культура. Классический завет М. И. Глинки о том, что музыку создает народ, а мы, композиторы, ее только аранжируем, для Гаврилина не просто завет, но стержень творчества. Потому с болью видит он постепенное разрушение этой первоосновы. Ведь почти ушла в небытие голосистая «тальянка». Анахронизмом стали хороводы. Напрочь забываются изумительные обрядовые песни. Вырождается даже и неприхотливая частушка.

Как сохранить, возродить эту красоту? Как вернуть ее создателям охоту и вкус к самобытному творчеству?.. Сейчас кто только не задается этим вопросом, какие только рецепты не предлагаются... Но действен из них только один — это упорный, кропотливый труд профессионалов на ниве духовного просвещения масс. Ведь скромный тот провинциальный учитель А. С. Знаменский, не располагая, по сути, никакими средствами, кроме собственного энтузиазма, сделал многое. Так сколько же могут, сколько должны сделать люди, и образованием, и долгом призванные служить советской, народной культуре!

«Ключ к проблеме — в жизненных корнях музыки, в художественном результате, то есть в степени воздействия ее на аудиторию»,— заметил недавно композитор Т. Хренников.

Все творчество В. Гаврилина питают именно жизненные корни, ушедшие в глубь российской земли. В большинстве его произведений вечно звучит над неоглядными просторами родной земли вещий колокол — символ героической, нелегкой истории народа.

«Перезвоны» — так названа его последняя хоровая симфония; в подзаголовке значится: «По прочтении Шукшина». Заслуженный успех ее общеизвестен. Обращу внимание на это программное, как мне кажется, посвящение Шукшину — писателю, которому Гаврилин говорит о своей любви за его неистовость и неприглаженность чувств, за обнаженную совестливость, за мужественное недоумение перед неисчерпаемостью человеческой натуры. За нежность к ищущим путникам...

Таким же ищущим путником представляется мне и сам композитор, неустанно в гармонии слова и звука прокладывающий свою дорогу к народному сердцу.

Близким и понятным народу языком говорит со своими слушателями Валерий Гаврилин, лауреат Государственной премии РСФСР и премии Ленинского комсомола. Композитор, верой и правдой служащий своему народу.

Композитор Валерий Гаврилин. Фото Э. Эттингера

Нора АДАМЯН

НА КАРТОШКЕ

РАССКАЗ

Рисунки И. ПЧЕЛКО

Василию Васильевичу опять пришлось ехать в колхоз на уборку картошки. На этот раз ему это было совсем не с руки. Он только что подготовил несколько экспериментов, которые должны были во всех вариантах прояснить его очередную работу.

— Придется ехать,— сказал ему шеф.

Василий Васильевич повторил и уточнил:

— Придется. Стрекотова в декрете, Николаеву возраст не позволяет, у Малышева дети малые. У всех причины. А я единственный одинокий и свободный. Это мне уже не впервой слышать.

Шеф вздохнул.

— Вот я и говорю. Придется. Хотя лично мне не хотелось бы вас посылать.

«Еще мне теперь и утешать его!» — подумал Василий Васильевич.

— Ничего. Сменю умственный труд на физический. Опять же воздух, природа.

— То-то и оно,— ворчливо сказал шеф.— Вы будете ездить, а лаборатория — сидеть.

Как будто Василий Васильевич рвался в колхоз убирать картошку.

Собирался он как всегда легко. Стянул с антресолей рюкзак, уложил в него кроссовки, тренировочный костюм, пару чистого белья. Отобрал несколько книг, общую тетрадь. Еды не надо. В колхозе сразу, как приедешь, кормят. А самое вкусное — картошка, она там под ногами.

Он вышел на лестничную клетку и позвонил в дверь соседской квартиры.

— Тетя Таня, я завтра дней на десять уезжаю. Вот ключик от почтового ящика. Уж, пожалуйста, как всегда...

Тетя Таня влезла в его маленькую переднюю и с интересом заглянула в комнату.

— Обратно чистота, как у девки,— одобрительно сказала она.— Однако голо живешь. Тюлю бы на окно повесить, картинку на стену. А то, хочешь, я тебе на рынке цветочков бумажных куплю. Розочки как живые.

— Не надо мне розочек.

— Деньги жалеешь? Копишь! — определила тетя Таня.— Ох, надо было мне тебя из детского дома усыновить. Вот и была бы я сейчас с хорошим сыном. Да разве угадаешь, какого брать?

— У вас племянники есть.

— Они охломоны. Сроду шоколадку не принесут. А все норовят что-то с тетки содрать. А тебя опять в колхоз загоняют — значит, не уважают.

— Это почему?

— Кого уважают — не пошлют. Вот и руки у тебя золотые, и не пьющий ты, и самостоятельный, а как на уборку или на прополку — всегда тебя суют. Потому что ты неженатый и заступиться некому. А жениться тебе надо с умом, чтобы папа ее или на худой конец дядя с широкой спиной был бы. Без этого сейчас нельзя.

— Учту все ваши советы.— Василий Васильевич потихоньку теснил соседку к выходу.

Вставать надо было рано, когда дворники шваркали метлами по пустым тротуарам и, как огромная сороконожка, лениво двигалась по улице поливочная цистерна.

Только вокзал уже жил своей разноликой, кошелочной, чемоданной жизнью. Издалека, по запутанным сплетениям рельсов, подкатывали к платформам пустые поезда, еще можно было войти в любой вагон и выбрать место у окна на теневой стороне, лицом по ходу поезда.

Василий Васильевич любил смотреть в окно, как бесконечная Москва незаметно переходит в такие же многоэтажные, но уже неуловимо иные пригороды, где дома вдруг останавливаются перед зеленым лужком с хрестоматийно извивающейся в низких берегах речкой. Потом прошумит лесок, опять подымутся белые колонны высоких домов, а уже где-то за тридцатым километром пойдет лес, любимый больше гор, больше степей и даже больше моря.

Глядя в окно, Василий Васильевич примечал и своих попутчиков. Две скамейки, ближние к выходу, заняли ребята с рюкзаками, с гитарой и транзистором. Как только тронулась электричка, они начали есть. Котлеты, пирожки, бутерброды — хорошую домашнюю еду доставала из рюкзака черноволосая девушка. Такие компании были хорошо знакомы Василию Васильевичу и по детскому дому, где он вырос, и по институту, и по работе. Он предпочел бы наблюдать за семьей, чтобы были отец, мать, дети — их отношения, их обиход. Этого он не знал. И хотелось ему найти образец для своей будущей семьи. К этому следовало подготовиться серьезно. Он хотел быть авторитетом для жены и детей, но без подавления их личности. Задача сложная.

В группе, сидевшей у входа, с транзистором он разобрался в несколько минут. Главарь у них блондин с усиками. Звать Вениамином. Толстый парень — это Валера,— недовольный, насупленный. Третий всю дорогу читает — даже за едой от книги не отрывается. Девушка славная, не очень молоденькая, веселая. Много смеется. А едут они тоже куда-нибудь «на картошку».

Девушка деловито раздавала пирожки и бутерброды, аккуратно завернутые в бумажные салфетки. Василию Васильевичу очень захотелось есть, да и когда еще придется позавтракать. Он пересел на край скамейки напротив девушки и негромко сказал:

— А мне?

Она ничуть не удивилась. С ходу углубилась в рюкзак и выдала Василию Васильевичу пирожок и бутерброд с сыром. Никто из группы не обратил на это внимания, и Василий Васильевич с удовольствием поел. Потом он спросил:

— На картошку?

— На нее, кормилицу,— сказал блондин,— куда же еще?

— В Рябиновку?

— Нет, в Угловое.

— Жаль,— вздохнул Василий Васильевич,— я надеялся вместе.

Ему никто не ответил. Девушка локтем отвела рассыпавшиеся по щекам и лбу пряди волос и завязала рюкзак.

— Студент? — спросил толстый.

— Студенты десятками ездят,— не поднимая глаз от книги, высказался чернявый.— Не учуял коллегу. Типичный лаборант.

— А может, аспирант, вроде тебя, Венечка? — заигрывающе спросила девушка парня с усиками.

— Нет, на аспиранта не тянет.

Так они переговаривались, а Василий Васильевич посмеивался. Он зря своего звания не открывал. Ну, кандидат. Ну и что? Сейчас куда ни кинь, в кандидата попадешь. Он своим кандидатством в душе сильно гордился. Но не выставлялся.

Объявили Рябиновку.

— Прощай, студент,— сказал блондин с усиками.— Жаль, песен не попели вместе. Голос имеешь?

— Чего нет, того нет,— развел руками Василий Васильевич.

— А что вообще у тебя есть?

— Да ничего у меня нет,— обескураживающе просто ответил хитрый Василий Васильевич.— Ну, спасибо за кормежку, прощайте и желаю вам...

Картофельное поле лежало на косогоре, вначале довольно крутом, но постепенно полого спускавшемся к шоссейной дороге.

Парень лет шестнадцати привез Василия Васильевича на бричке, вошел с ним в большой чистый сарай с врезанными окнами, показал закуток с лопатами и мешками, груду полосатых чехлов для тюфяков и подушек. Кнутом ткнул в сторону лужка, где высилась копна сена для набивки. Заготовлено было все по-хозяйски — и летняя печка под навесом, и дрова, и посуда. На первый случай Василию Васильевичу выдали хлеба, немного масла и десяток яиц. В колхозе напоили молоком и простоквашей.

Председатель Вячеслав Петрович, еще молодой, но располневший, обожженный до помидорной красноты, скользнул взглядом и определил:

— Вот и ладно. Вы вроде человек солидный, будете там за старшего. А я днями наведаюсь. Если что понадобится — всегда сделаем.

Ни на поле, ни в сарае людей не было.

— Что ж, я один здесь буду? — спросил Василий Васильевич, когда парнишка собрался уезжать.

— Как можно! Самое позднее утром прибудут. А вы не бойтесь, что один. У нас хоть и лес, а волков нет.

Василий Васильевич оглядел большое картофельное поле, над которым на взгорье темнел спокойный лес. Он сбросил рюкзак и поднялся к опушке, где стояли ласковые березы. Одна из них, вдруг затрепетав ветвями, сразу указала гостю кучу коричневых головок, прижатых друг к другу. Замерев от охотничьего счастья, Василий Васильевич набрал штук двадцать крепких белых грибов. Он по-хозяйски решил, что пока хватит, сложил грибы в большую кастрюлю, укрыл листьями лопуха, поставил в тенечек под печку и пошел оглядывать хозяйство. Отдыхать ему было не с чего, читать не хотелось, а дел нашлось много. Он перетащил все чехлы к копешке сена, набил матрацы и подушки, расположил их в сарае по обе стороны окон, вычистил большой чайник и две кастрюли, протер песком зажелтелые от заварки толстые фаянсовые кружки. Теперь, когда бы ребята ни приехали, можно было сразу начинать работу. Лопаты оказались тупые, но точить лопаты Василий Васильевич не стал. Работа у него была тонкая, и он берег пальцы от возможных травм.

День подошел к концу, и в неярком светлом небе задрожала одна еле заметная звездочка.

«Звезда моих полей, звезда моей печали»,— прозвучало в сердце Василия Васильевича. Он не знал, откуда эта строчка, даже был уверен, что запомнил ее неверно, но чудесной болью отзывались в нем эти слова, и он повторял их, все время переделывая: «Звезда моей любви, звезда моей печали»... «Звезда родных небес»...

А лес тем временем все больше темнел, картофельное поле становилось густо-лило-

вым, исчезало из глаз, и светлела только лента дороги, уходящая к шоссе.

Потом Василий Васильевич растопил печку, поставил чайник и смотрел, как неземным цветом перемигивались в печке угольки.

Перед сном он думал, что в жизни его ждет много неизведанного, что у него будут дети и спокойная, ласковая жена, похожая на доктора Белянчикову из передачи «Здоровье». Он не любил шумных, инициативных женщин. Та, что была в поезде, слишком громко смеялась. Зубы у нее были белые, ровные и хорошая, пышная коса. А как ее звали, он запомнил. Ее звали Дина.

Дина сама вызвалась ехать на уборку картошки. Специальная библиотека, где она работала, обслуживала в основном научные институты. В одном из них обрадовались возможности заполучить работника для поездки в колхоз. А у Дины была своя цель. Ей нужен был ребенок. Недавно она услышала мамины слова: «Я прихожу в отчаяние, когда думаю, что после меня она каждый день будет возвращаться с работы одна в пустую квартиру»...

Мама права. Впереди ждет одиночество. Скоро тридцать лет. В прошлом горькая, безрадостная любовь к женатому человеку. Алых парусов не будет. Нужен ребенок — родной человек на всю жизнь. От молодого здорового мужчины. И чтобы без всяких душевных потрясений, без всяких обязательств с обеих сторон. Встретятся и расстанутся навсегда.

Поехала она с читателями — абонентами своей библиотеки. Едва знакомые. Так лучше.

Сперва получилась неразбериха. Их направили в Угловое, но там уже работали две студенческие бригады. Пришлось переночевать в доме колхозника, а с зарей следующего дня все они на стареньком грузовике поехали в Рябиновку. И тут неожиданно, прямо на поле, их ждал большой кипящий чайник, кастрюля рассыпчатой картошки, сковорода с жареными грибами и то ли студент, то ли лаборант, с которым они ехали в поезде.

Все ему обрадовались.

— Точно отца родного повстречали,— сказал Вениамин.— А ведь мы о тебе, студент, жалели.

— Гляди, какой хозяйственный! — одобрил толстый Валерка.— Грибы-то где взял? В лесу? Ты их хорошо понимаешь? А то я остерегаюсь...

— Ах, разгадал ты меня,— засмеялся Василий Васильевич.— А я-то поганок нажарил, дай, себе думаю, потравлю бригаду, вся картошка мне одному останется.

— Ты не шути, не шути! Бывали случаи... в газетах писали...

— Ладно, успокойся,— сказал Василий Васильевич,— тут одни белые.

— Грибы грибами,— перебил Вениамин.— А насчет воды как? Есть что-нибудь для радости — речка, озеро?

— Речка в километре отсюда, вы ее проезжали. А у леса родничок, вода чистая, хорошая, далеко ходить не надо.

— Да, не очень искупаешься — за километр бегать. Что за отдых без купания.

— Да нас сюда как будто не для отдыха прислали,— весело сказала Дина.

Василию Васильевичу эти слова понравились. Он поддержал:

— Отдыхать особенно не придется. Вот поле нам определили. Все убрать надо.

Черненький книгочей Николай прошелся по самому косогору, где кустики картофеля были помельче и из-под них торчали оголенные синеватые клубеньки, выдрал два куста, плюнул и отошел. Тут же Валерка прицепился к нему:

— Ты чего на мою картошку плюешь?

— А с чего это она твоя?

— Может, я ее в магазине куплю и есть буду...

— Иди ты к черту!

— Нет, ты скажи, с чего ты тут расплевался?

— Скажу. Только не тебе, дураку, который ни черта не понимает.

— Ребята,— сказал Василий Васильевич,— что это мы с конфликта начинаем? Вон глядите, не стыдно, женщина нам лопаты тащит.

— Я закуток освобождаю, спать там буду...

— Руки в кровь натрешь этими лопатами,— злобно сказал Валерка.— В других колхозах междурядьем трактор пускают и рукавицы дают, между прочим...

— И здесь рукавицы есть, брезентовые, только тяжелые очень,— сказала Дина.

Она уже сняла свое голубое платье и туфельки — была в потертых джинсах и кедах.

Василий Васильевич подошел к Николаю.

— Объясни толком, чем тебе картошка на косогоре не глянулась?

— А тем, что она сейчас никуда не годится. Ее по косогору посадили. А потом ливень землю смыл. Подбить второй раз не удосужи-

лись. Открытые клубни росли плохо, позеленели. Считай погибли. А сорт хороший.

Он спустился на ровное место, выдернул для показа куст, и все увидели большие плоские клубни, похожие на толстые синие оладьи.

— Один из лучших сортов — «синеглазка».

— А ты откуда все это знаешь?

Николай усмехнулся.

— Как-никак научный сотрудник. Селекционер.

— Ну, значит, так;— подытожил разговор Василий Васильевич.— Я предлагаю сначала вырыть всю эту несортную картошку по косогору и сложить ее отдельно. Нам все равно, как ее копать, а колхозу облегчение — сортировать не придется.

— Да, студент, с тобой не соскучишься. Ты просто начинен идеями,— насмешливо сказал Вениамин.— А впрочем, я не возражаю.

Толстый Валера встал над косогором с лопатой в руках.

— Господи,— сказал он с тоской,— ведь будет когда-нибудь это поле вскопано и картошка вся вырыта. Так почему бы это уже не оказалось сейчас?

Он воткнул лопату под первый кустик и выворотил ком земли. И Дина тут же присела на корточки, выбирая мелкие, неказистые картофелины.

Работать по косогору было труднее, чем в ровном поле. «Недаром еще предки утверждали — не ходи по косогору, сапоги стопчешь»,— ворчал Вениамин. Дина готовно хохотала по поводу каждого его высказывания, но работала быстро, ловко, подгоняя медлительного Валеру.

Василий Васильевич ценил хорошую работу. Он любовался спорыми движениями девушки, тем, как она просеивала в руках землю, не упуская ни одного клубенька. Вениамин тоже шел легко, поднимая пласты плотной, спекшейся на косогоре земли, но примерно через каждые двадцать минут объявлял перекур и ложился на взгорке, раскинув руки и ноги. Тут же бросали работу и Валера, и Николай. Только Дина продолжала просеивать между руками землю, и Василий Васильевич по-прежнему подымал на лопату куст за кустом.

Обед привез тот же подросток Сережка, который доставил на поле Василия Васильевича. Не заставляя себя упрашивать, он тут же со всеми вместе поел супа с бараниной, выпил литровую банку компота из сухофруктов и, довольно поглаживая себя по тощему животу, сообщил:

— Это я уже по второму разу обедаю.

— И куда в тебя лезет? — рассмеялся Василий Васильевич.

— А я сколько хочешь могу съесть,— горделиво сказал Сережка.— Особенно если колбасы да сдобных булок. Хоть на спор пойдем.

— Ну, ты сила!

— Я такой,— подтвердил Сережка. И поинтересовался: — А вы чего только по горке роете?

— Выкапываем мелкую, чтобы с хорошей не мешать. Усек?

— Усек. Я еще там мясо присоленное на завтра привез, хлеба, крупы. Завтра сами готовить будете.

После обеда завалились отдыхать. Только Дина перебирала гречку для завтрашней каши, а Василий Васильевич, который не любил спать днем, натаскал воды из родника, нащепал лучинок для растопки и объявил подъем. Вениамин лениво поднялся.

— Беспокойный ты человек, студент. Ну, чего шебуршишь? Куда торопишься?

— Работать надо.

— Где мне надо, там я вкалываю будь здоров! А сюда нас посылают чужое разгильдяйство покрывать. Картошку эту мы, конечно, рано или поздно выкопаем. Но душу в эту бодягу я вкладывать не намерен.

— Однако берись за лопату,— сказал Василий Васильевич.— Ты, видать, не слышал, какая работа на свете самая главная?

— Ну?

— Та, которую надо сделать сегодня.

— Ох, студент, срываешь ты мне настроение. Не даешь с природой пообщаться в молчаливом созерцании.

Окончание следует.

«ВЫ КРЕПЧЕ МЕТАЛЛА...»

Г. Н. Худяков среди воспитанников детдома в поселке Ола.

Анатолий САНЖАРОВСКИЙ

На небольшой станции Сырт под Оренбургом скорые поезда не останавливаются. Но в этот раз скорый впервые на полминуты притормозил. С поезда сошел лишь один пассажир, Георгий Никитич Худяков. Его здесь ждали те, кто спас ему жизнь тридцать лет назад...

О Худякове я впервые узнал от Героя Советского Союза генерал-майора Василия Сергеевича Молокова. В годы войны он командовал 213-й авиационной дивизией.

— Трудно приходилось нашим авиаторам вначале,— вспоминал генерал.— Не хватало высокоэффективных боевых средств, сбрасываемых с небольшой высоты. С трехсот—пятисот метров взрывную бомбу не кинешь: взрывная волна уничтожит и сам самолет. Но в сорок втором к нам на вооружение поступила зажигательная бомба, которая так славно послужила. Спасибо нашим ученым! Я хорошо знаю одного из создателей этого оружия. Расскажите о нем... Я говорю о Георгии Никитиче Худякове. Он и поныне работает в Энергетическом институте имени Кржижановского. И, насколько известно, Худяков был первым среди невоенных, кто прыгнул с самолета без парашюта и остался жив.

И вот мы сидим вместе с Георгием Никитичем. Бодрый, энергичный, с копной седых волос.

В 1935-м он, Георгий Худяков, сын неграмотного курганского бедняка крестьянина, получил диплом Московского института химического машиностроения. Вскоре сбылось то, о чем мечтал: ему вручили путевку в воздухоплавательную воинскую часть, которой командовал стратонавт Георгий Алексеевич Прокофьев.

Худякова зачислили кандидатом в состав экипажа для необычного полета. Намечалось подняться на высоту около тридцати тысяч метров на заполненном водородом шаре с герметичной гондолой. О ходе подготовки «к комсомольскому полету в стратосферу» Георгий Худяков регулярно докладывал руководству Академии на-

На месте катастрофы.

ук СССР. Однажды ее президент академик В. Л. Комаров спросил:

— Вы сейчас учитесь?

— В аспирантуре Энергетического института имени Кржижановского.

— А сам Кржижановский вас знает?

— Я его знаю... слушал лекции Глеба Максимилиановича.

— Ну и ну,— засмеялся Комаров,— учится в институте Кржижановского и незнаком с Кржижановским!

И потянул за собой смущенного Георгия в кабинет вице-президента—академика Кржижановского.

Глеб Максимилианович сидел за столом и писал. Увидав вошедших, встал, вышел из-за стола, протянул аспиранту руку.

С той поры они встречались часто по научным делам.

«Комсомольский полет в стратосферу» был отменен. Шел тридцать девятый. Германия напала на Польшу.

В институтах академии начали срочно создаваться новые специальные лаборатории. Глеб Максимилианович пригласил к себе Худякова:

— Придется отложить защиту диссертации до лучших времен. Сегодня есть вещи поважнее. Как смотрите на переход из аспирантуры во вторую лабораторию?

С головой ушел Худяков в новую работу. Она была засекречена. Создаваемую бомбу сотрудники называли между собой «собачкой». Если кто-то хотел узнать, проведен ли опыт, то спрашивали:

— Собачка сегодня завтракала?

— Завтракала,— отвечали ему.

«Собачка» эта «съела» шесть месяцев напряженнейшей работы, которую возглавляли профессор Рамзин и старший научный сотрудник Худяков.

...На полигон прибыли представители ВВС. Худяков, конечно, волновался: как-то поведет себя его «зажигалка»? В перископ ясно виден «вражеский» объект — расставленные в цепочку старые, негодные грузовые и легковые машины. Появляется над полигоном ИЛ-2. В мгновение на бреющем полете высыпает на колонну мелкие зажигательные бомбы. Машины, словно бочки с порохом, вспыхнули. Вмиг! Еще бы! Ведь температура пламени более полутора тысяч градусов!

Бомбы бросали с разной высоты. Испытания показали, что наибольшую поражающую силу они имеют тогда, когда сбрасываются с бреющего полета.

Выявились и минусы. Например, только половина сброшенных опытных бомб взорвалась. Упавшая на бок, а не на взрыватель, бомба не срабатывала. Что предпринять? Что делать, чтоб бомба приземлялась точно на взрыватель?..

Наконец полигонные испытания успешно завершены. Теперь скорее на фронт, где это оружие ждут. Скорее на экзамен в боевых условиях!

Самолет, на котором они летели к фронту, вошел в плотный туман. Видимость практически была равна нулю. Вдруг зачихали моторы. В следующее мгновение Худяков почувствовал, что машина резко пошла носом вниз. Попытка выровнять самолет ни к чему не привела, их несло к земле. Людям ничего не оставалось, как прыгать. Парашют на высоте в четыреста метров был бесполезен: он не успел бы раскрыться.

Обходчик станции Сырт Яков Гаврилович Попов чистил от снега стыки. Видит: низко над проводами вдоль линии пронесся самолет. Запахло бензином. Яков Гаврилович встревожился, пришел домой, рассказал своим.

Вскоре все свободное от работы население путевого домика — в нем жили три семьи: Веригины, Поповы, Трунины — двинулось в сторону Горной Рычковки, куда пролетел самолет. Впереди бежала детвора.

Первым нашли инженера, помощника Худякова по предстоящим испытаниям. У Назарова была сломана нога, выбита коленная чашечка. Жена Попова, Александра Леонтьевна, вправила чашечку тут же, на снегу; разорвав прихваченную из дому простыню, перевязала ногу. А потом, бережно усадив его на салазки, вместе с Раисой, пятнадцатилетней дочкой, отвезла домой.

Уже вечерело, когда удалось отыскать в глубоком снегу Худякова. Он был без сознания. С одной ноги слетел валенок, в стороне валялся шлем. Теплое пальто разорвано. Александра Леонтьевна и Яков Гаврилович попробовали его поднять. Страшный стон заставил их не трогать Худякова.

— Мда-а,— печально проговорил Яков Гаврилович,— этого на салазках не увезешь.

А тем временем один из прибежавших снимал с себя фуфайку, другой — теплый верхний платок и спешил подложить под Георгия.

Яков Гаврилович кинулся в соседнее село и скоро пригнал лошадь с санями. Принялись укладывать на сани — душераздирающие стоны. Сломан шейный позвонок, сломана нога.

— Ну-ка, Раиска и прочий детский народ, моментом ко мне домой! Тащи какую-нибудь доску да пошире! — скомандовал Яков Гаврилович.

Доски широкой не нашлось, ребятня притащила просторную лавку. На нее кое-как уложили Георгия, перенесли на сани и повезли. Тут возвращается с работы Иван Сергеевич Трунин. Долгих объяснений не понадобилось. Побежал на разъезд к телефону, позвонил в Оренбург.

Через четыре часа пришел паровоз с одним пассажирским вагоном. Весь экипаж, их было пятеро, разместили в вагоне. Состояние Худякова было самым тяжелым. Как вносить его на лавке? Пришлось снять внутреннюю дверь. Экипаж повезли в госпиталь, а разбитый самолет вызвались охранять добровольцы, жители хуторка.

Все время Георгий был без сознания. Лишь на миг пришел в себя, когда его переносили на сани.

Уже в вагоне он очнулся еще раз, очнулся от соленого вкуса во рту. Незнакомая женщина ласково приказывала:

— Глотайте соленую воду, она задержит кровоизлияние.

После нескольких глотков он вспомнил, что случилось, и снова потерял сознание.

В госпитале врачи, не заметив его приоткрывшихся глаз, продолжали консилиум.

— Безнадежен,—вздохнул один.

— Да,— подтвердил второй.— Состояние критическое. Если и выживет, у него будут парализованы конечности из-за перелома шейного позвонка и от кровоизлияния в оболочке спинного мозга. Кроме того, перелом малой берцовой кости правой ноги, множественные ушибы...

Голову и туловище взяли в гипс. Более двух месяцев он провел без движения.

В госпиталь нагрянул генерал-майор авиации, председатель аварийной комиссии. Вошел в палату, а там нескончаемый стон.

— Ну-у, я рад,— повеселел он.— Раз кричите, значит, будете жить! Вообще-то, орлы, бесподобно! Я был на месте катастрофы. Полюбуйтесь, что осталось от вашего бомбардировщика,— подал снимок Георгию, но, увидев, что руки у того не действуют, показал ему снимок.— Куча металлолома. А вы все пятеро целы. Выходит, орелики, что вы крепче металла.

Стали разбираться, как же это они, прыгнув без парашютов с такой высоты, остались в живых. Их спасло то, что был очень глубокий снег, и то, что, согласно закону инерции, падали они не отвесно, а наклонно. Худяков пропахал своим телом в снегу «канаву» в 105 метров, Назаров — на десяток метров короче.

Узнав о беде, Глеб Максимилианович Кржижановский дважды звонил в госпиталь, просил сделать все возможное для спасения пострадавших.

Долго еще после Оренбурга Худяков ходил с «гордым видом»: чтобы оглянуться, нужно было поворачиваться всем корпусом. Врачи предлагали год пожить в санатории — Худяков отказался. Никаких санаториев, скорее в свою лабораторию, к живому делу!

Глеб Максимилианович сказал:

— Займитесь пока своей диссертацией и поправляйтесь.

Осенью 1942-го Худяков успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Сжигание металлического топлива».

Но беда не ходит одна. Георгий снова угодил в авиакатастрофу. И, несмотря на это, все так же горячо рвался на фронт. Были люди, не понимавшие его: «Ты сделал свое, дал бомбу. Чего ты еще хочешь?» Но он считал, что мало создать бомбу — надо увидеть ее в деле, научить «работать» с нею других. И добился своего!

По распоряжению командования его направили с выпестованной им «собачкой» на фронт, в дивизию Молокова. С ним Худяков был знаком с осени сорок первого. Их свела общая работа.

Высшей наградой Худякову были пожары, съедавшие в ночной дали громадные скопления фашистской техники, боеприпасов, продовольствия. Хотелось очень ему понаблюдать за своими, именно за *своими*, пожарами, тогда он поднимался на самолете у линии фронта. Огонь этих пожаров грел душу. Это был справедливый огонь возмездия...

Ученые Энергетического института положили свой прочный камень в здание Победы. Многих правительство отметило наградами. Глеб Максимилианович получил орден Трудового Красного Знамени, Худяков — орден Красной Звезды.

День Победы Георгий встретил в больнице: сказались две авиакатастрофы, сказался фронт. Врачи списали его в инвалиды, давали первую группу. Перспектива ничегонеделания была самой страшной катастрофой для 35-летнего Худякова. В ту пору он с семьей жил в здании института. Как же так? Жить в институте и не работать в нем?

За ученого заступился Глеб Максимилианович.

— Никакой инвалидности! По натуре он ищущий, талантливый, что может, то пускай и делает. Пускай лечится работой!

И по сей день коммунист, «огневик» Худяков успешно занимается проблемами огня, но уже мирного. Сорок семь лет на одном месте работает! Во втором номере журнала «Наука в СССР» за 1983 год директор Энергетического института профессор Ю. Н. Вершинин пишет: «В настоящее время разрабатывается новый технологический процесс — плазменная технология газификации углей и сланцев для крупномасштабного производства синтетических газов и жидких углеводородных топлив». Технологию эту предложили ученые института, среди которых был и Георгий Никитич.

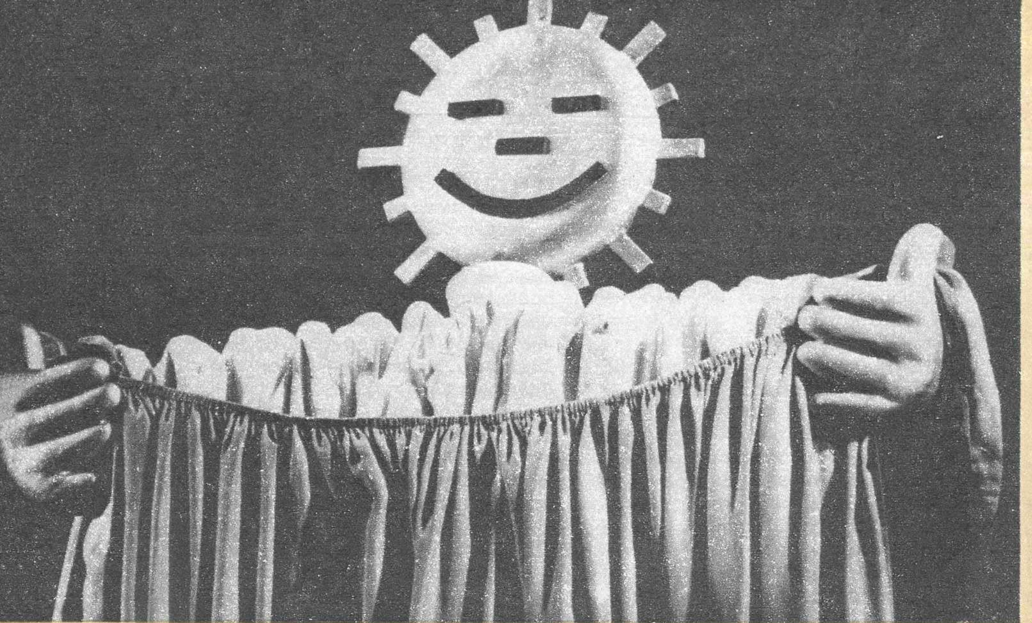
Трудно поверить, что ему семьдесят четыре. Он по-прежнему подвижен, жизнелюбив, скор на ногу, как в юности.

Особое место в душе ветерана занимает дружба с воспитанниками детского дома в магаданском поселке Ола.

Много лет назад ребята поздравили Кржижановского с юбилеем, написали, что их дом борется за право носить его имя. Началась переписка. Академик послал ребятам свои книги. А вскоре ученые — среди них был и Худяков — добились, чтобы ребятам, жившим в старом, ветхом доме, построили новое прекрасное трехэтажное здание. Ежегодно северяне приезжают в Москву, отдыхают летом в пионерлагере института. В шефстве института над детдомом Худяков принимает горячее участие. Под его руководством институтский комитет комсомола организовал музей Кржижановского в детдоме, носящем теперь имя Глеба Максимилиановича.

А как сложились судьбы остальных четырех участников того легендарного полета? Летчик Владимир Ильич Мишенков и бортмеханик Максим Максимович Барков погибли во время воздушного боя с фашистами. Погиб и техник Павел Степанович Башмаченко. Его имя высечено на мемориальной доске Энергетического института. Борис Николаевич Назаров сейчас на пенсии.

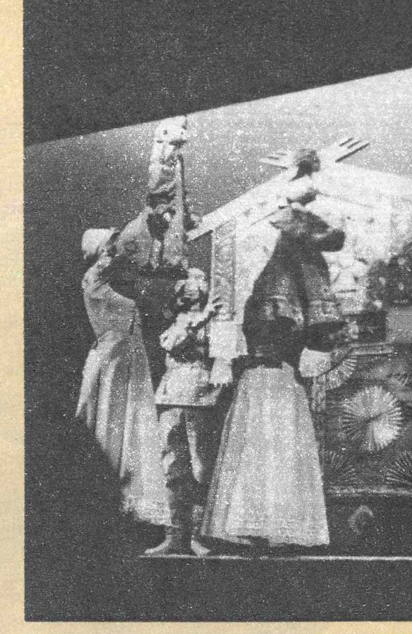
А недавно пришлось Георгию Никитичу открывать обелиск на месте катастрофы. Вот тогда-то и остановился скорый на небольшой станции Сырт не по расписанию.

Солнце «крупным планом».

Анатомия кукольной жизни.

Хоровод.

Фото А. БОЧИНИНА

СПЕКТА ВОСПОМИНАН

Театральное обозрение для взрослых «Вечер открытых дверей» — это лирический спектакль-рассказ. Точнее, рассказ-воспоминание. Сергей Владимирович Образцов, бессменный руководитель Центрального академического театра кукол, доверительно беседует со зрителями о своей долгой жизни в искусстве. И о жизни театра тоже.

Декорация переносит нас в старую Москву. Во дворике, где-то Садовому кольцу, появляются шарманщик и петрушечник: «Почтеннейшая публика, начинаем представление, всем на удивление...»

Встретившись с Петрушкой в раннем детстве, Сергей Образцов, как он сам считает, обрел свою судьбу, нашел профессию. А вскоре заметно преобразилась и сама кукла, захватившая воображение молодого актера. Она потребовала не только фантазии, веселой выдумки, острого, всегда современного слова, но и новой техники исполнения.

Когда в своем первом кукольном выступлении Образцов появился на эстраде, это еще не был настоящий спектакль. И куклы пока еще не знали жанра сатиры: скорее иронической лирикой был тот давний кукольный номер, когда под звуки модного в 20-е годы шлягера «Минуточка», исполнявшегося Вертинским, влюбленных изображали забавные куклы-обезьянки... Конечно, теперь зрителя трудно удивить «Романсом с куклами», но в ту пору это было настоящим открытием.

Кукольный театр в полном смысле слова появился в Москве в 1931 году; в труппе было двенадцать человек. Сегодня он известен в сотнях городов нашей страны и объехал с гастролями чуть ли не весь белый свет. В коллективе театра насчитывается ныне 350 человек — это артисты, режиссеры, художники...

С первых лет театр стал экспериментальным: появились куклы с новой «анатомией», с новым способом вождения. Для них надо было создавать репертуар, изобретать декорации...

— После многих попыток,— рассказывает С. В. Образцов,— удалось в 1936 году создать первый настоящий спектакль «По щучьему велению». С тех пор прошло много лет, а этот спектакль жив; на представление приходят малыши, чьи мамы и папы видели его, когда сами были детьми.

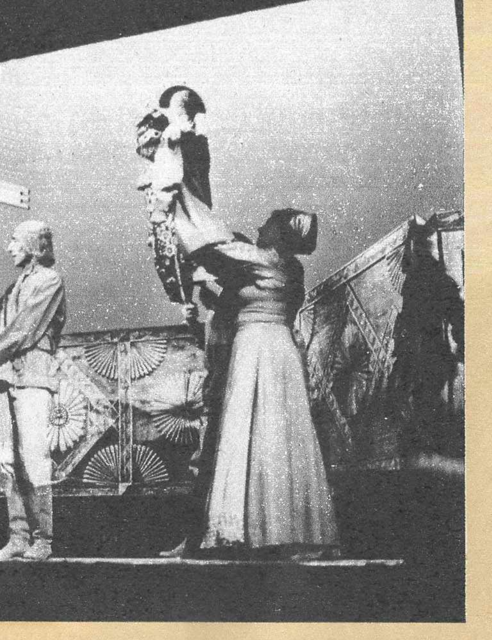
После «Емели» мы, зрители, смотрим спектакль иного плана: «Таинственный гиппопотам». Тут и куклы и приемы исполнения — все другое... По принципу «человек и кукла» построена «Сказка о царе Салтане». Театр доносит до зрителя пушкинский текст, ничего в нем не нарушив. Артисты с большими куклами в руках исполняют роли весело и динамично.

Хороши сцены из спектаклей сатирических. Вот «ученый» музыковед самодовольно поучает: «Как услышать в музыке то, чего в ней нет?!» Это из спектакля «Говорит и показывает театр кукол». А вот злая пародия на «Художественный совет»: в спектакле «И-го-го!» обсуждается картина «Колхозный баран».

С. В. Образцов считает, что одной из самых удачных постановок получился у них «Дон Жуан-77». И есть надежда на «Дон-Жуана-85». Это сатира на мюзикл, ставший модой и в театре, и в кино, и на телевидении... А это плохо, считает Образцов: мода во всяком искусстве рождает штамп!

«Это диво, так уж диво...»

Сергей Владимирович Образцов ведет спектакль.

КЛЬ-
ИЕ

Злокачественную опухоль штампа надо отсекать ножом сатиры. Такова пародия «Дон Жуан», показывающая героя «сверхклассического и всем известного», остро насмехающаяся над «импортным, сексуально-мордобойным мюзиклом». Играют тут куклы опять-таки новой, особой конструкции, подвижные и выразительные.

В заключение зрители увидели воочию в «Аргентинском танго», как делается номер. Ширма была убрана, и открылась сложная работа артистов: в танце каждую куклу водят несколько человек. Танец требует не просто труда, но редкостной синхронности в кукольной тончайшей работе. Только так возникает «живая кукла». Кукла в движении...

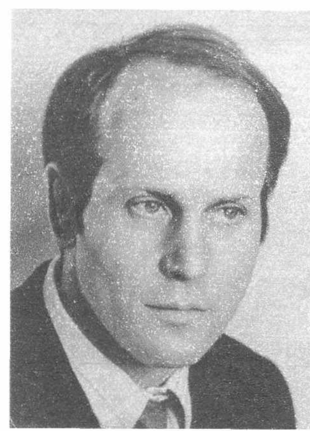
Впереди новые замыслы. И, значит, новые встречи с театром С. В. Образцова на Садовом кольце в Москве.

Ф. КОВАРСКАЯ

И говорят, и показывают...

Имена

Константин СКВОРЦОВ

ВЕНОК СОНЕТОВ

1

Сонет доступен только мастерам,
А нам — частушки иль чего попроще...
Нам соловьи банальные да рощи,
Ромашки да прогулки по утрам.

А если мы устали от зарниц?
А если нам, крылатым, места мало?
А если мы вольны, как стая птиц,
И нам той высоты недоставало?..

Неведомы судьбы одной пути...
Мы знаем, как в историю войти,—
На каждый век у нас свои пароли.

— Без страха и сомнения вперед.
Работайте, а слава вас найдет! —
Учили нас в литературной школе.

2

Учили нас в литературной школе,
А мы порой над мыслью не вольны.
И сердце, словно лодка на приколе,
Ни бурь ему житейских, ни волны.

Теперь друзей, как говорят, негусто.
Эх, годы, годы — вешняя вода.
Забывчивость простительна тогда,
Когда она не подменяет чувства.

Как превратить слова пустые в крики?
Ни память не поможет нам, ни книги...
Еще не слово и не крик — ура!

Есть у искусства лишь одна основа,
И превратится звук в большое слово,
Но если кровью он течет с пера.

3

Но если кровью он течет с пера,
То станет Чувством, станет светом вечным
Твой долгий взгляд, чужим и быстротечным
Мгновеньем показавшийся сперва.

Живым испепеляющим огнем,
Моим страданьем, ненавистью, страстью,
Стремленьем к истине, порывом к счастью —
Весь мир огромный отразится в нем.

Души тяжелый занавес закрыт,
Но кто-то там без устали твердит
Былой судьбы заученные роли...

Я не хочу. Мне нет пути назад.
И светит мне моей любимой взгляд,
Освобождая от великой боли.

4

Освобождая от великой боли,
Пришли герои — быть или не быть!
Мне вместе с ними мыслить и любить,
И не ищу я в жизни большей доли.

Приветствую падения и выси
Ко мне пришедших из иных эпох.
Но отчего, скажи мне, ты ж — мой рок,
У них глаза твои, поступки, мысли.

В искусстве есть невидимые грани.
Поэт бессилен, если он нормален.
Но грань прошел — и кончена игра.

Художник, не страшись того предела.
В своем стремленьи землю переделать,
Как не рискнуть чуть дальше, чем вчера!

5

Как не рискнуть чуть дальше, чем вчера!
Явился лебедь белый в поле чистом
И подарил нам два больших крыла,
Оставив их на травах серебристых.
Два на двоих... Нам мало по крылу.
Кому-то надо на земле остаться.
— Лети, любимый, мне ли сомневаться.
Ты не взлетишь, я все равно умру!..

Что я тебе оставил, кроме ран?..
Любой поэт, по существу, тиран.
В душе открытой есть свои заставы.
— Люби меня! — просил я об одном.
И полетел. И на небе седьмом
Вкусил я унижения и славы.

6

Вкусил я унижения и славы.
Поверь, что это было нелегко.
От униженья к славе далеко.
Я думал, годы ждут там переправы.

Какая ослепительная ложь.
Они близки до головокруженья.
Без униженья к славе не придешь.
Без славы не познаешь униженья.

Быть гордым иль пойти на компромисс?
Взбираться вверх иль опускаться вниз —
Не все ль равно?.. И, может, люди правы,

Что я потерян для себя и всех.
Я знал улыбки лживые и смех,
Теперь они явились для расправы!

7

Теперь они явились для расправы,
Презрев пустую суетность мою.
И нет на них ни слова, ни управы,
Но я и сам себя за то виню.

Из небылиц моих и всяких былей
Я часто путал милых имена,
Но лишь одну тебя назвал любимой,
Любимой пронесу сквозь времена.

Тебе спасибо, что все это свято.
Что ты меня любила больше брата.
Жду счастья, как удара топора...

Сбежались люди, и сомкнулись фланги,
Но кто это стоит: палач иль ангел,
И громогласно требует: — Пора!

8

И громогласно требует: — Пора!
Сойди в низину, там свежо и дико.
Надень ружье, возьми с собою Дика.
Там до утра кричат перепела.
Вновь тяжелы российские поля,
Но не спеши палить в лису нолевкой,
А, растворясь в природе дымкой легкой,
Вдруг ощути, что ты и есть земля!

И коль дано прожить мне много жизней,
Лишь этот край мне называть Отчизной.
Граница — в сердце, на земле — черта.

С годами мы и опытней и строже,
Но ничего нет Родины дороже.
Душа моя, я знаю, не черства.

9

Душа моя, я знаю, не черства.
Ты отзовешься на любые крики,
Но ты болишь, когда кричат безлико,—
Пиши цветы, а Родину оставь.

Мне говорил, вперяя взгляд невинно,
Профессор (с позволения сказать!),
Что Родину любить теперь наивно.
Но он хотел бы все ж меня читать.

Эх, критик!.. Землепашец без сохи.
Хоть раз бы прочитать твои стихи.
Ведь ты о наших говоришь искусно.

Что б значил ты без звонких причиндал?
Какую песню ты народу дал?
Я презираю праздное искусство!

10

Я презираю праздное искусство
Людей высоких, словно фейерверк,
И, поднимая голову наверх,
Гляжу им в души — там темно и пусто.

Скребутся мыши по углам души...
Им кажется, что напевают Музы.
Какие их соединяют узы
С неотвратимым и святым: — Пиши!

Как я устал от суетной игры
Седой литературной детворы,
Их правоты дешевой, как капуста.

Им проповедовать до немоты,
Марая белый лист до черноты
И стискивая голову до хруста.

11

И стискивая голову до хруста,
Я сам смотрел на острый окоем
Хребтов Тувы и сопок Златоуста,
Искал я слово, схожее с огнем.

Я думал, в слове всё богатство века,
Что мы бессмертье в слове познаем...
А не хватало просто Человека,
Явившегося в облике твоем.

Ты здесь со мною, и не знаю, где ты,
Но мы с тобой друг другом обогреты,
Пусть ни реки меж нами, ни моста...

Что есть Борьба?.. Что Разума свеченье?..
Не отвечай, ведь нет у слов значенья.
Ищу не слово — жажду естества!

12

Ищу не слово — жажду естества
Борьбы, Любви и самоутвержденья.
Что без поступков наши убежденья?
Есть формула, но нету вещества!

В поступке жизнь! И потому я снова
Твержу — критерий истины лишь он.
Смешон не тот, кого лишили слова,
А тот, который действия лишен!

Я ошибался много раз, но разве
Перо не наказание, а праздник,
Когда душа, как белый лист, чиста...

В одном уверен: если он не струсит
И пронесет непримиримой душу,—
Поэт тогда достигнет мастерства.

13

Поэт тогда достигнет мастерства,
Когда забудет все слова и строки
Учителей и ласковых, и строгих,
Своею песней зазвенит с листа.

Когда, не помня вековых обид,
Весь мир простит, как следует поэтам.
Даст имена свои чужим предметам
И все народы враз усыновит.

Берущиеся праздно за перо,
О, как обжечься можно об него...
Предостеречь вас надо, как ни грустно.

По дальним странам тянет вас к гульбе,
Но человек откроет мир в себе,
Когда постигнет в совершенстве чувство.

14

Когда постигнет в совершенстве чувство,
Он остановит времени разбег.
И каждый миг свой проживет, как век.
Есть Родина, так будет и искусство.

Я не устану всюду повторять
И называть своими именами
То, что веками выстрадано нами:
Отечество, любимая и мать!..

Березою, ольхою, снегирями
Я пользовался, словно словарями.
Листал снега и доверял ветрам.

Еще не знаю, что мне скажут люди,
Но строгий критик вновь меня осудит:
Сонет доступен только мастерам!..

15

— Сонет доступен только мастерам,—
Учили нас в литературной школе.
Но, если кровью он течет с пера,
Освобождая от великой боли,

Как не рискнуть!.. Чуть дальше, чем вчера,
Вкусил я унижения и славы.
Теперь они явились для расправы
И громогласно требуют: — Пора!..

Душа моя, я знаю, не черства.
Я презираю праздное искусство.
И, стискивая голову до хруста,

Ищу не слово — жажду естества.
Поэт тогда достигнет мастерства,
Когда постигнет в совершенстве Чувство.

Челябинск.

Р. Судковский. ШТИЛЬ.

Художественный музей Р. Г. Судковского. Очаков.

БУРНОЕ МОРЕ.

Р. Судковский. СУМЕРКИ.

Художественный музей Р. Г. Судковского. Очаков.

ПРОЗРАЧНАЯ ВОДА.

А. СОФРОНОВ

ВСТРЕЧА С МУАМАРОМ КАДДАФИ

Не так давно делегация советских общественных организаций во главе с кандидатом в члены ЦК КПСС, заместителем председателя Государственного комитета СССР по делам изобретений и открытий Ю. Н. Пугачевым побывала в столице Ливии Триполи. Вместе с нами летел в Триполи наш добрый друг, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», революционный поэт Египта Абдуррахман аль-Хамиси. Наша делегация летела на конференцию, посвященную 15-летию ливийской революции.

Полет был как полет... Остановка в Вене. Стакан горячего кофе... Затем неторопливое путешествие в поисках своего зальчика... «Амстердам», «Париж», «Тель-Авив» и, наконец, наш зал, оттуда мы должны отправиться в Триполи...

Помнится военный парад на приморской площади Триполи. Мощные танки и артиллерия колонна за колонной продвигались вдоль видневшегося с наших трибун морского берега. Запомнились слова Муамара Каддафи, сказанные там на площади.

М. Каддафи подверг резкой критике агрессивную авантюристическую политику американского империализма в различных районах планеты, в частности на Ближнем Востоке.

— Ливия,— подчеркнул М. Каддафи,— выступает за создание широкого фронта сил, борющихся против происков американского империализма во всем мире.

* * *

Находясь чуть больше недели в Триполи, непосредственно участвуя и в самой конференции, и во множестве других дружеских и деловых встреч, я уже и не думал, что мы встретимся непосредственно с самим Каддафи. Каждый день по телевизору буквально до ночи мы видели, как был занят Каддафи, как много ему приходилось выступать. Но мой друг, неистощимый оптимист Абдуррахман аль-Хамиси заверил меня: «Встреча будет». И в самом деле встреча состоялась. В предвечерье, накануне нашего отлета в Тунис, вдруг к нам в отель приехал Омар Хамди, один из помощников Каддафи по общественным организациям, и пригласил нас в свою небольшую пегую автомашину. Хамди сам был за рулем. Снова, как и три года назад, шумными улицами Триполи, а затем уже тихими аллеями мы отправились на встречу к Каддафи.

Как и три года назад, на мгновение задержавшись возле часовых, мы подъехали к широкому шатру. Шатер был открыт, и мы вошли в него. Каддафи поднялся от письменного стола и пошел к нам навстречу. Он был в комбинезоне и встречал нас как своих давних знакомых. Крепкие рукопожатия. И вот мы уже сидим вокруг широкого стола, на котором телефон, рукописи и папки. Каддафи приветливо улыбается и говорит:

— Много работы сейчас. Больше, чем было во время прошлого вашего приезда. Многое осложнилось, но мы стали не слабее, а прямо могу сказать, мы стали крепче.

— Все это видят своими глазами,— говорит Хамиси.— Наша конференция идет успешно.

Каддафи кивает головой.

— Да... Успешно... Мне сообщают о ней. Мне самому и договорить как следует не дали на конференции.

— Горячо приветствовали...

— У нас сейчас главная задача — объединение. Если мы будем вместе, нас трудно разъединить, мы сильнее... Повторяю, наша главная цель — укрепление единства всех арабских государств. Единство — это наша сила для достижения победы...

— Как вы видите ваше будущее?

— Наше будущее мы видим в социализме. Иного пути у нас нет и быть не может. В этом, мы считаем, наша ливийская революция играла, играет и будет играть большую роль. Мы рады — и этому не одно свидетельство,— что социалистические страны поддерживают нас. Угроза империализма в виде ядерных ракет равна и для наших стран и для стран социализма. Американские ракеты, которые находятся в Европе, для нас такая же прямая угроза. Мы вместе с социалистическими странами стоим в одном ряду тех, кто борется против ядерной угрозы.

Все это Каддафи говорил спокойно, время от времени останавливаясь, чтобы дать возможность перевести.

— Каковы хозяйственно-экономические перспективы Ливии?

Тут Каддафи снова улыбнулся.

— Не хочу загромождать вашу память, вам все материалы дадут... Одно могу сказать: мы все теснее общаемся с социалистическими странами, но одновременно стараемся вести выгодную для нас торговлю и с капиталистическими странами. Но главное для нас — быть всегда с друзьями... Ливии без друзей трудно жить.

— А какова роль писателей в этих больших и ответственных делах?

Каддафи явно не ожидал этого вопроса, но, снова улыбнувшись, ответил:

— Конечно, велика... Вы-то это прекрасно знаете...

Мы были в шатре у Каддафи уже более часа. Я обратился к Каддафи:

— Могу я, как и в прошлый раз, три года назад, попросить написать слова привета читателям «Огонька»?

— С удовольствием,— сказал Каддафи и подвинул к себе лист белой бумаги. Мы молча сидели. Когда страница была написана, он протянул ее мне.

— Большое вам спасибо...

В письме было сказано:

بمناسبة الزيارة التي قام بها الرفيق الأستاذ والكاتب
الكبير (أناتولي سافرونوف) وإجراء مقابلة
صحفية في ظل الذكرى الخامسة عشرة للثورة
الفاتح العظيم. يطيب لي أن أكتب بخط يدي
على صفحات مجلة (الشعلة) (أغونيوك) عبارات
التعبير عن الصداقة والحب والتقدير لأصدقائنا
في الاتحاد السوفيتي الذين لن ننسى مساهمتهم
التاريخية معنا خلال الخمسة عشرة سنة من
الثورة في كل الميادين. نعبر عن امتناننا
لمساهماتهم الإيجابية المادية والمعنوية
ونؤكد للأصدقاء أننا سنبقى أوفياء
لصداقتهم المبنية على الاحترام المتبادل
والتي تعمقت وستعمق النضال المشترك ضد
العدو المشترك الإمبريالية والصهيونية والرجعية
عاش كفاحنا المشترك من أجل التقدم والسلام
وعاشت الصداقة الاشتراكية بين شعوبنا
١٩٨٤/٩/٣

«Я рад своей рукой написать на страницах журнала «Огонек» слова с выражением нашим друзьям в Советском Союзе чувств дружбы, любви и уважения. Мы не забудем всего того доброго, что они делали для нас на протяжении пятнадцати лет, прошедших со дня революции. Мы передаем вам, нашим друзьям, искреннюю благодарность за оказанную вами большую материальную и моральную помощь и поддержку. Мы останемся верны нашей дружбе, основанной на взаимном уважении, дружбе, которая скреплена и будет углубляться в совместной борьбе против общего врага — империализма, сионизма и реакции.

Мы приветствуем нашу общую борьбу за мир и прогресс.

Да здравствует нерушимая дружба между нашими народами!

Муамар Каддафи».

Мы поднялись. Каддафи сказал:

— Считайте, что Ливия всегда гостеприимно открыта для вас... И самое главное — передайте самые сердечные приветы вашему народу.

Каддафи крепко пожал нам руки. Уже у выхода, обернувшись, я увидел его сильную фигуру, одетую в военный комбинезон.

Ю. ЧЕРЕПАНОВ,
рисунки автора

Афганские зарисовки

Афганский крестьянин получил землю, теперь он готов защищать ее с оружием в руках.

В Кабул я прилетел ранней весной. Окружающие горы были еще в снегу, но в долинах уже пробивались первые тюльпаны. В городе чувствовалось оживление — приближался афганский Новый год.

Кабул — древний город. И в этом не сомневаешься, когда смотришь на крепостные стены, перепоясывающие склоны гор, на иссеченные временем крепостные башни. Но рядом с ними четко вырисовываются и современные контуры — высоковольтные линии передач.

Районы старого города застроены в основном глинобитными домиками, лепящимися как ласточкины гнезда по склонам гор. Но на этом фоне уже высятся корпуса современных новостроек. Это — будущее Кабула.

Красочен, многолюден, шумлив и ароматен кабульский базар: пестрые ткани, яркие ковры, полосатые халаты торговцев, горы фруктов от огненно-рыжих мандаринов до иссиня-черного винограда,— но и здесь видны черты нового. Зачастую на спине ишака, погоняемого хозяином с базара, можно видеть самую современную покупку — то холодильник, то телевизор...

В Кабуле много мечетей. Их стреловидные минареты и голубые купола уже много веков украшают древний город. Но сегодня и в силуэте Кабула появились значительные черты нашего времени — это сферическая «тарелка» телевизионного ретранслятора, многочисленные антенны, строительные краны. Все это лишь внешние признаки новизны на лике афганских городов и кишлаков. А сколько ее, новизны, в том, что на улицах Кабула все чаще встречаешь афганских мальчуганов, в руках которых вместо кнута погонщика — учебники, видишь спешащих на предприятия и в учреждения афганских женщин, для которых чадра стала безвозвратным прошлым...

Члены Народно-демократической партии Афганистана в первых рядах защитников революции.

СО СТАРЫХ СТРАНИЦ «ОГОНЬКА» 1928 год

ОГОНЕК

1.

2.

3.

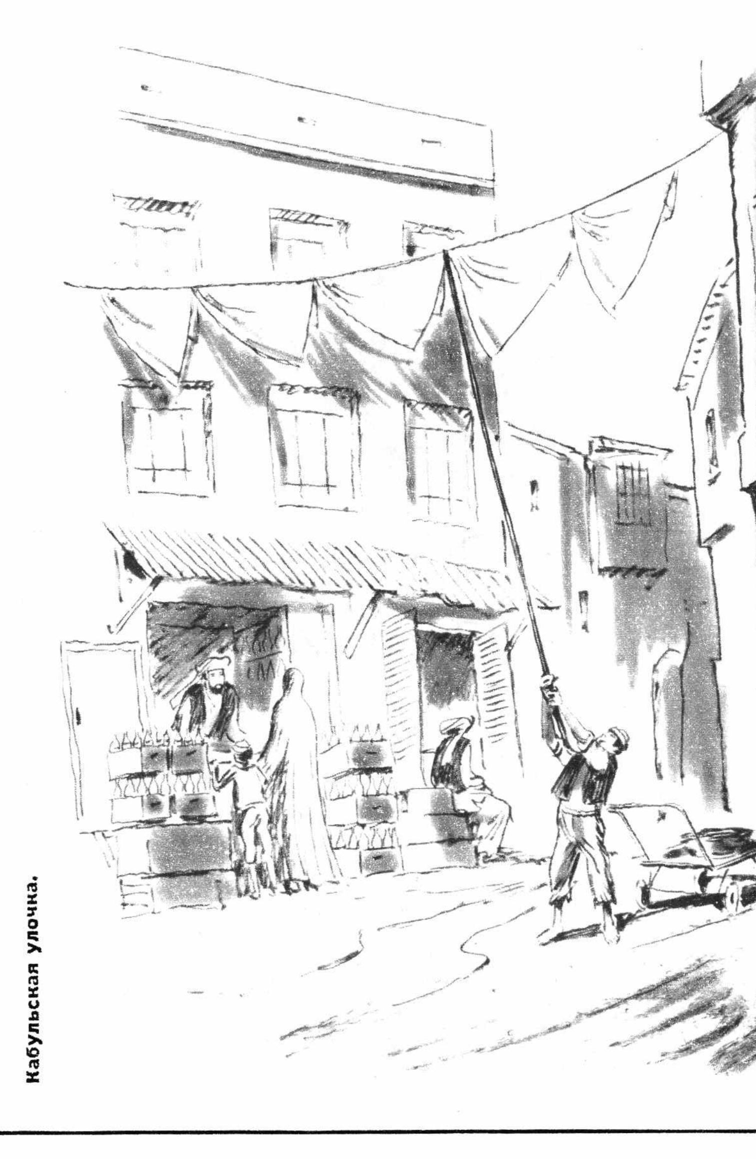

Встреча на дороге.

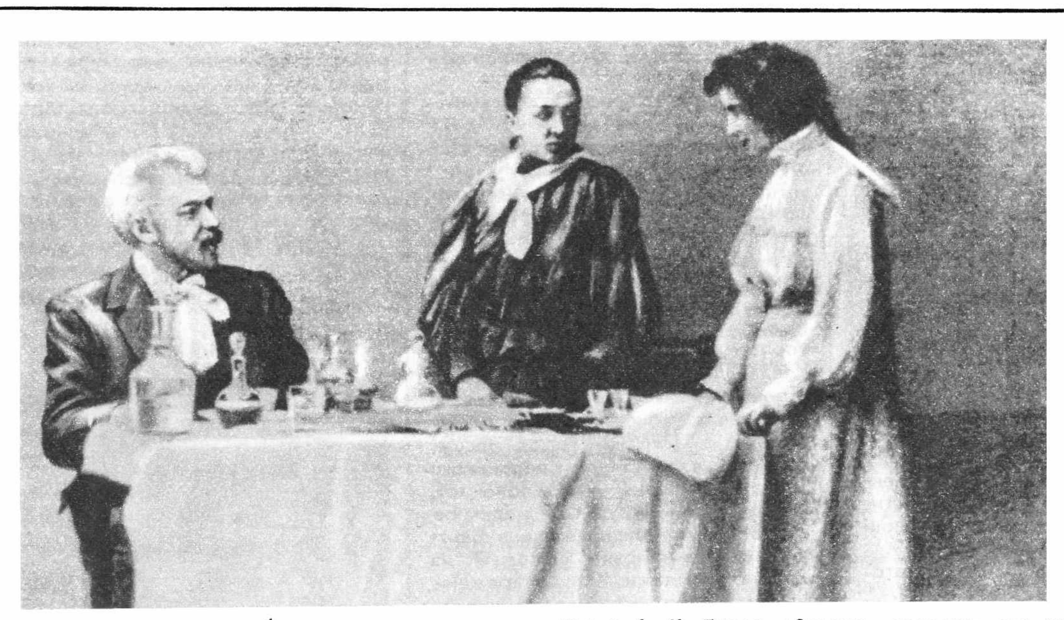

Свежая газета.

Кабульская улочка.

5.

1

В дни Парижской коммуны, в 1871 году, на баррикадах сражалась против версальцев Анна Теофиловна Пустовойтова. Замечательная русская женщина всю свою недолгую жизнь отдала революционной борьбе.

№ 12

2

Летом 1928 года Максим Горький после долгого пребывания за границей вернулся на родину.

«Советский пролетариат приветствует своего Горького» — в этих словах выражалась вся любовь к великому писателю.

Вскоре по приезде начались встречи Алексея Максимовича с пионерами, рабочими, крестьянами.

На снимке вы видите, как Горький выступает на заводе АМО.

№ 24

3

Мало кто из ныне живущих видел этот редкий снимок, сделанный в 1905 году. На нем изображены (слева направо) русские композиторы Н. А. Римский-Корсаков, А. К. Глазунов и А. К. Лядов. «Огонек» поместил его на своих страницах, отмечая двадцатилетнюю годовщину со дня кончины Римского-Корсакова.

№ 27

4

В те далекие времена проводились «недели военного просвещения масс».

Публикуемый снимок показывает, как вятские комсомольцы, совершавшие военный поход, беседуют с крестьянами.

№ 28

5

В 1928 году отмечалось тридцатилетие МХАТа.

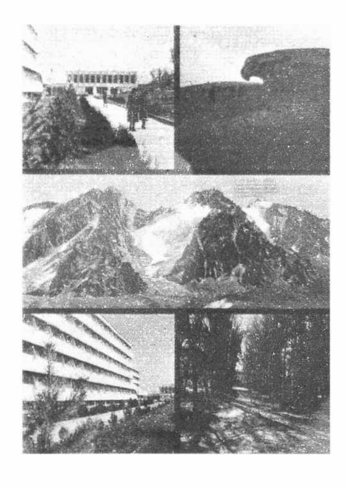
Первой постановкой театра (14 октября 1898 года) была трагедия А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович». Но, как писал «Огонек», «датой его духовного рождения является 17 декабря этого же 1898 г. — премьера «Чайки» А. П. Чехова». Фотография оставила для истории театра память об этой премьере.

В сцене из спектакля — К. С. Станиславский (Тригорин), М. П. Лилина (Маша) и М. Л. Роксанова (Нина Заречная).

№ 44

4.

ЧУДО-РОДНИКИ

Арасан-Капал — это курорт на юге Казахстана, самый древний и самый молодой одновременно. Еще во времена кочевий шла по Семиречью молва о чудодейственной воде Арасана, исцелявшей людей от тяжких недугов, возвращавшей им утраченную силу. Считалось, что счастливцы, которые после нескольких погружений в теплые ключевые воды долины Джунке избавлялись от ломоты и боли в костях, вновь обретают свободу движений и твердый, уверенный шаг. Еще с середины прошлого века сохранился доклад казачьего сотника Алгазина, побывавшего со своим отрядом в Северном Семиречье и видевшего меж двух горных цепей Джунгарского Алатау родники, «от которых в жаркий летний день шел пар». Свидетельствовал он и о том, как в одну из ям, наполненных теплой ключевой водой, двое молодых казаков опускали на кошме больного старика. А позднее любопытные записи об Арасане оставил в своем путевом дневнике известный русский географ и путешественник П. П. Семенов-Тян-Шанский. Ко времени его приезда в поселок Арасан там уже появилась первая купальня. Для нее над самым ключом был сложен дом из еловых бревен. Этот дом, по свидетельству ученого, «был очень опрятен и даже красив». И далее следует такое описание: «Вода выходила с чистого дна из-под расчищенных камней, из нее в трех местах выбивались с силой пузыри газов. Температуру Арасана я нашел 26,5 градуса тепла. Запах сернистого газа был мало чувствителен. Перед домиком был сад, в котором деревья еще не успели разрастись».

Вот так начинался курорт Арасан-Капал.

...От Талды-Курганского аэропорта до Арасана — около часа езды. Просто удивительно, сколько родников осталось позади. Да и названия у них какие! Ак-булак — белый ручей; Сары-булак (желтый), Кок-булак (зеленый), Айна-булак (прохладный), Кер-булак (светлый). А у въезда в Капал шумит родник Тамши-булак — капельный ручей. Вода здесь не только бьет ключом, но и просачивается из недр мелкими-мелкими капельками. Поэтому камни в расщелине родника и стены грота кажутся не то запотевшими, не то покрытыми росой.

Да, не зря гидрогеологи считают Семиречье краем подземных вод. Родники и артезианские колодцы уже широко используются здесь для орошения полей и садов, для водопоя на пастбищах. Но если вообще родников в этих местах много, то термальные источники — все-таки редкость, а Арасан в известном смысле даже уникален.

...Белокаменный санаторный корпус, все пять этажей которого — сплошные лоджии. Сам поселок Арасан, прилепившийся к холмистому извилистому берегу реки Биен, стоит чуть в стороне. А вплотную к санаторному зданию подступает тенистый парк. Не тот ли самый это сад, где «деревья еще не успели разрастись», о котором упоминал в своих записях Семенов-Тян-Шанский?

— Наш источник радоновый,— начинает разговор главный врач санатория Аскар Сейтбекович Джомартов.— Но все же правильнее будет сказать, что вода Арасана содержит целый букет полезных минеральных элементов и соединений.

— А от каких болезней исцеляет Арасан?

— От очень многих, но прежде всего от ревматических полиартритов, сосудистых заболеваний, гипертонии, особенно в ее начальных формах. У гипертоников обычно уже после нескольких ванн снижается давление. Из каждых ста человек 97—98 возвращаются домой, заметно поправив свое здоровье.

...Не только целебной водой хорош этот уголок. Вот вековой парк, где под сенью деревьев до сих пор сохранились причудливые старые двухэтажные флигеля. Вот главный корпус с его уютными холлами, тихими коридорами, светлыми одно- и двухместными палатами. А неподалеку — строительные краны, которые, однако, никому здесь не кажутся лишними.

— Наши новостройки — это залог будущего,— поясняет Аскар Сейтбекович.— Сейчас мы ежемесячно принимаем по путевкам 600 человек. Но недалеко время, когда сможем принимать в полтора раза больше. В старом ванном помещении давно уже стало тесно. И получилось так, что воды избыток, а подступиться к ней трудно: возле кабин очереди. Новое большое здание водолечебницы полностью устранит эту проблему. Оно построено с перспективой. Скоро вступит в строй пятиэтажный лечебно-диагностический комплекс.

— А воды в источнике достаточно?

— Более чем достаточно. Фактически у нас не один, а шесть источников, пользуемся же мы пока только двумя. Но, конечно, по мере того, как будут появляться новые санатории и возрастет число курсовочников, войдут в действие и резервные источники. Тем более что капитальных затрат на это не потребуется, ведь вода поступает теплая, подогревать ее не нужно.

В недалеком будущем Арасан станет целым курортным городком, здесь намечено даже строительство аэропорта. Популярность этих мест будет, наверное, не меньше, чем, скажем, курорта Боровое на севере Казахстана.

Максим ГИНДЕН,
Виктор ГЛУХОВЦЕВ

Владимир ПАХОМОВ

Удаль в тупике

30 лет назад, в феврале 1954 года, на Малой арене московского стадиона «Динамо» состоялся первый в нашей стране международный турнир по хоккею с мячом. Встретились сборные команды Советского Союза, Швеции, Финляндии и Норвегии. Как заметил позднее один из любителей русского хоккея, наша игра и бенди в те дни протянули друг другу руки.

На Руси издавна любили гонять по льду маленький мяч. Есть сведения, что подобной забавой увлекались еще во времена Петра Первого, а в Скандинавии, в ряде стран Западной Европы, в свою очередь, давно играли в бенди. Но русский хоккей и бенди не близнецы, хотя и считаются футболом на льду. У них до 1954 года были разные правила, были неодинакового размера ворота, клюшки, но это не помешало русским и шведам сыграть между собой еще в 1907 году.

Незадолго до московского турнира представители четырех стран сели за стол, договорились о выработке единых правил, дали новое название футболу на льду — хоккей с мячом, оставив русский хоккей и бенди для внутреннего пользования. Тогда же они изъявили готовность через год объявить о создании международной федерации, а в 1957 году провести первый чемпионат мира.

Московский турнир выиграли шведы, а советские спортсмены заняли второе место. Уезжая на родину, капитан победителей Бергстрем как сувенир захватил из Москвы нашу клюшку — громоздкую, тяжелую. И вот заслуженный тренер РСФСР Г. Епихин, много сделавший для развития в нашей стране хоккея с мячом, рассказал мне, как хоккеисты сборной СССР, приехав в шведский город Нёсше, увидели в витрине спортивного магазина клюшку наподобие тех, которыми они когда-то играли... Ее выставил владелец магазина Бергстрем, наш старый знакомый из сборной Швеции. К тому времени уже стали проводиться чемпионаты мира, которые заканчивались победой советских спортсменов, и Бергстрем, сам большой мастер, не забыл, с чего все началось.

Более миллиона людей на земном шаре играют в хоккей с мячом. По-прежнему популярна эта игра и в нашей стране. Правда, уже нет повального, как когда-то, увлечения, ведь раньше во всесоюзных соревнованиях участвовали даже команды таких малоснежных городов, как Харьков, Днепропетровск, Рига, Таллин.

Но и ныне при переполненных трибунах проходят матчи чемпионата СССР по хоккею с мячом в Архангельске, Ульяновске, Хабаровске, Иркутске, Кемерове, Красногорске, Сыктывкаре и, конечно же, в Красноярске, чьи хоккеисты из команды «Енисей» пять раз выигрывали первенство страны, а недавно выиграли и Кубок мира. Большинство хоккеистов «Енисея» живут в одном районе города, хорошо знакомы друг с другом. Все они начинали играть в детском клубе «Бригантина». Хоккей с мячом, конечно, интересен прежде всего любителям спорта тех городов, чьи команды представлены в высшей лиге. Но когда в Хабаровске в 1976 году проводился международный турнир на приз газеты «Советская Россия», среди зрителей можно было встретить поклонников хоккея и из Магадана и Комсомольска-на-Амуре, Биробиджана и Петропавловска-Камчатского, Южно-Сахалинска и Уссурийска. Хоккей с мячом привлекателен удалью, размахом, скоростью, лихостью атаки, широтой маневра.

После московского турнира 1954 года советские спортсмены заимствовали у своих скандинавских соперников клюшки, а ворота по скандинавскому образцу стали больших размеров — шириной 3 м 50 см и высотой 2 м 10 см. У наших соперников, в свою очередь, появились вдоль боковых линий поля бортики, их арбитры стали фиксировать положение «вне игры» по двум, как у нас, а не по трем хоккеистам. Шведы и норвежцы переняли у нас и технику бега на коньках и по нашему примеру начали подбирать в сборные команды хоккеистов, обладающих высокими скоростными качествами.

Позади 13 чемпионатов мира. Серебряную вазу, созданную финскими ювелирами на средства,

Играют «Енисей» и СКА (Хабаровск).

собранные поклонниками хоккея с мячом, одиннадцать раз вручали капитанам сборной СССР. Два последних чемпионата выиграли шведы.

Почему же мы стали уступать лидерство? К сожалению, у нас хоккеем с мячом широко увлекаются сейчас только в Сибири, на Дальнем Востоке. Во многих городах хоккейные катки бесследно исчезли. Нечем теперь похвалиться москвичам: столица представлена сейчас в высшей лиге лишь динамовцами, занявшими в чемпионате СССР 1983 года 11-е место.

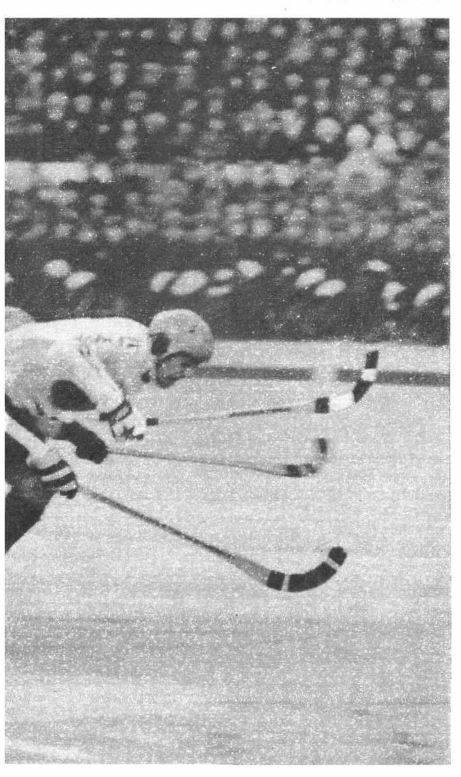
Секрет прохладного отношения к хоккею с мячом со стороны спортивных руководителей раскрыть нетрудно: этот вид спорта не олимпийский. Больше того, он ни разу не включался в программу Спартакиады народов СССР.

Старший тренер сборной СССР Вяч. Соловьев убежден, что отечественному хоккею с мячом как воздух необходимы поля с искусственным льдом в Сибири, на Дальнем Востоке, на Урале, в Поволжье, Москве, Белоруссии. Это позволило бы создать своеобразные центры этого прекрасного, исконно русского спорта. Казалось бы, где прежде всего должен быть построен стадион с искусственным льдом, как не в Красноярске, по праву гордящемся «Енисеем»! Но в городе, имеющем заурядную команду по хоккею с шайбой, предпочли построить Дворец спорта с «коробкой» для хоккея с шайбой и теперь ищут, кого бы позвать в гости, чтобы дворец не пустовал. А после того, как в Хабаровском институте физкультуры перестали готовить тренеров по хоккею с мячом, в стране больше не выпускают хоккейных специалистов.

Нынешней зимой, в начале февраля, состоится чемпионат мира в Норвегии. За время, минувшее с момента первого московского турнира, к четырем странам — учредителям международной федерации, добавились Нидерланды и США.

Перед сборной СССР стоит нелегкая задача вернуть звание чемпиона мира.

Фото А. Бочинина

ОБЗОР ПИСЕМ

А БЫЛА ЛИ ЛЮБОВЬ?

Этим вопросом задаются почти все читатели, принявшие горячее участие в судьбе Лены П. В № 20 «Огонька» было опубликовано письмо «Возродится ли любовь?», в котором Лена, рассказав свою невеселую историю, обратилась за советом к нашим читателям.

Встретились двое, полюбили. Лена только окончила институт, а Женя — человек зрелый, имеющий семью, детей. Время шло, надо было что-то решать. Выяснилось, что Лена ждет ребенка. Вот тут Женя и отступился от своей любви. А когда одумался и навестил Лену в больнице, было уже поздно. Запоздалое предложение Жени стать его женой поставило Лену в тупик. Что делать?

Ответов пришло много — от пожилых и молодых. И такой круг вопросов затрагивается в этих письмах, что наш разговор не может свестись лишь к разговору о любви двоих. Ведь зачастую, как это случилось в жизни Лены, в орбиту отношений молодых оказались втянутыми многие близкие люди. Поэтому в каждом из присланных в редакцию писем не только желание помочь неопытной девушке разобраться в сердечных делах, но и то, о чем, быть может, позабыли Лена и Евгений,— забота о судьбе двух детей.

«Лена! — пишет пенсионерка Тарасова из поселка Атяшево Мордовской АССР.— Позвольте задать вам вопрос: а была ли у вас любовь с Евгением? Может быть, я неправа по отношению к вам, но уж очень часто путают легкий флирт с любовью. И если это так, то стоит ли маленькое удовольствие счастья и благополучия детей?»

Дети... Их жизнь, их будущее беспокоят не только Тарасову. Да, бывает и так, что человек живет, не желая задумываться о тех, кто с ним рядом, забывая об ответственности не только за родных людей, но и за собственное прошлое и будущее. Кажется, что все можно начать заново, а то, что было, просто перечеркнуть. А оно, это прошлое, забываться не хочет, тянется в будущее. И люди, стремящиеся любой ценой откреститься от него, обычно уважения не вызывают. Не потому ли читатели упрекают Лену в эгоизме, жестокости, коварстве?

«Вы полюбили и, забыв долг, ответственность, бросились разрушать то, что дало трещину,— чужую семью. Вы забыли о детях,— обращается к Лене И. А. Штукатурова из Москвы.— Извините меня, Лена, но мне не хочется, чтобы ваша любовь вернулась».

«Вы, молодые девушки, часто бываете эгоистичны: стремитесь любым способом достичь того, чего хочется,— пишет читательница В. А. Гусакова из Евпатории.— Вы думаете только о себе, о своей любви. Но есть еще долг. Долг Жени — воспитать своих детей. А вы ему мешаете, разбиваете семью, пользуясь своей молодостью и красотой».

Наверное, доля истины в этих обвинениях есть. И все же почему все шишки валятся на бедную Лену? Почему в свои двадцать с небольшим лет она должна думать о воспитании чужих детей больше, чем их родные отец и мать? Исходя из подобных писем, можно сделать вывод, что сорокалетний Евгений — несчастная жертва, пассивный свидетель, манекен, которым можно вертеть в любую сторону, поскольку он, бедненький, ничего не понимает, его обманули, околдовали, лишили собственной воли. Все кругом плохие, а Евгений чист!

Ан нет! Другие читатели думают шире. В. М. Сазонов, пенсионер из города Павловский Посад Московской области, пишет:

«Мужчина в сорок лет, имеющий семью и двоих детей, уж, конечно, опытнее, чем двадцатилетняя девушка. Поэтому ответственность за возникновение между ними романа лежит исключительно на нем. Настоящий мужчина не допустил бы страданий женщины — ни той, которую любит сейчас, ни той, которую любил и с которой его многое связывает. Хотя и Лене тоже нужно было подумать о его детях и, наверное, прекратить знакомство. Что же поделаешь, видимо, они опоздали встретиться».

Многое ложится на плечи современной женщины: и приготовь, и постирай, и о детях позаботься, да еще старайся изо всех сил семью сохранить. А легко ли это сделать в одиночку? Если муж не хочет помочь? Не случайно, наверное, многие читатели озабочены именно ответственностью мужчины за семью. Он глава, он опора, поэтому, казалось бы, на него до́лжно положиться.

«Коль мы — «сильный пол», нам необходимо беречь свою любовь, ограждать ее от всяческих невзгод»,— пишет военнослужащий Александр Ступин.

К сожалению, так бывает не всегда. У многих сложилось стереотипное представление: если мужчина ушел из семьи, то непременно его «увели». Виновата «она», «разлучница», «хищница». Отсюда, наверное, и оправдательные мотивы в адрес Евгения, излишне непримиримые письма по отношению к Лене.

«У нее все просто, легко и доступно. Обо всех своих похождениях она с возмутительной развязностью и легкостью щебечет со страниц журнала, который читает вся страна. Нашла чем прославить себя!» — зло пишет А. Игнатьев из Риги.

А «она» ведь может быть тоже и обманутой и страдающей. Тем не менее «пусть страдает в одиночестве». Так считает и Н. С. Шевченко из Сухуми, которая упрекает редакцию за публикацию письма. Так думают и некоторые другие читатели. А вот А. В. Семенов из Ленинграда полагает, что Лена поступила мужественно, решив пойти со своим глубоко личным «на люди». Это, значит, наболело.

И действительно, в жизни бывают разные ситуации. Зачем же отмахиваться от них: не исчезнут ведь они от нашего молчания.

Многие читатели подчеркивают, что в любви наиболее ярко проявляются такие нравственные качества, как порядочность, честность, ответственность. И если они не проявляются в повседневной жизни, то где гарантия, что вдруг возникнет из ничего «настоящая любовь»? Поэтому Х. С. Гараева из Башкирии и спрашивает: **«Как можно доверять человеку, который изменяет своей семье? Чтобы поиграть в любовь, он может сказать неправду о разладе в семье, облить и жену и детей грязью». Работники центральной библиотеки города Куйбышева Татарской АССР С. В. Юнусова, Г. К. Камаева и А. П. Игнатьева тоже восклицают: «Какая может быть у этого Жени любовь, если он бросил своих двух детей и убил третьего. Это значит, что думает он только о себе и никогда не поддержит любимую в трудную минуту».**

«Берегитесь», «не любит», «бросит» — предупреждающе звучат слова в письмах читателей. И лишь изредка мелькает: «Он теперь много пережил, прочувствовал и будет нежно любить». А. Мануэль из Нукуса с грустью пишет, что все-таки понял Евгения: когда между супругами исчезает взаимопонимание, семью не могут спасти даже дети.

...Семья Евгения. По существу, разговор свелся к моральной проблеме, связанной с ее существованием. Но ведь есть еще и Лена, и ее не состоявшаяся пока любовь, и ее счастье. Разве она заслуживает меньшего внимания и сочувствия, разве не имеет права на радость?

«Имеет!» — в один голос отвечают читатели. Но... только не с Женей. «Ищи сверстника», «пусть твой избранник будет свободен», «не надо нести с собой в будущее счастье груз чужих страданий».

Рецепты, а тем более заочные, давать всегда трудно. Человеческие взаимоотношения, особенно любовь,— это целый мир. И все-таки не стоит, наверное, отбрасывать от себя и эти, казалось бы, прописные истины.

...А вот еще три письма — три человеческие судьбы. Написали их молоденькие женщины. «Хоть мне и немного лет, а опыта столько, что могу и поделиться»,— пишет наша читательница из Астрахани. Она рассказала, что ее история очень похожа на историю Лены: также была любовь, также любимый человек отвернулся в самый ответственный момент, и также она была вынуждена избавиться от ребенка. И хотя сейчас она встретила хорошего человека, прошлая боль не ушла до конца, горечь не оставляет ее. И «любовь не возвратилась. Правда, есть уважение», но, вероятно, это не самый счастливый конец, и, может быть, все-таки Тане стоило ждать своей любви. Но, как говорится, ей виднее.

А вот Наташа Л. из Тюменской области нашла свое счастье в ребенке, и нет у нее обиды на человека, предавшего ее: «Я очень его любила, очень. Пожалуй, и сейчас моя любовь не утратила своей силы и нежности. Только теперь она принадлежит ей, моей Лидочке... Подумай,— пишет она Лене П.,— любила ли ты его действительно. Если бы любила, я думаю, оставила бы его ребенка». Наталья В. из Сызрани зовет в гости: «Приезжай к нам в Сызрань, на Волгу. Отдохнешь, забудешься!»

Наверное, этими простыми словами, выражающими высшую степень участия одного человека, вроде бы чужого, к человеческой судьбе другого, и стоит закончить нашу статью. Нет, не одинок человек, когда столько людей озабочены его судьбой, и мы верим, что Лена П. найдет свое счастье.

И. ТОЛКАЧЕВА

СРОЧНАЯ УСЛУГА

Тодорка **ВЫЛЧЕВА**

РАССКАЗ

Киро Кирчев привез в мастерскую стиральную машину.

— Пожалуйста, почините ее как можно скорее,— взмолился он.— Понимаете, машина мне очень, очень нужна. Жена сбежала от меня в неизвестном направлении, и теперь мне приходится самому обстирывать детей. Очень прошу вас, срочно! Я просто изнемогаю от ручной стирки!

— Да-да, конечно. Я понимаю вас, гражданин,— проявила сочувствие приемщица.— Ремонт вашей стиральной машины будет для нашей мастерской задачей номер один.

Киро Кирчев отправился домой окрыленный.

Зашел в мастерскую через три дня. Машина была еще не готова. Еще через три дня — то же положение.

Обратился к заведующему мастерской.

— К сожалению, уважаемый гражданин Кирчев, в настоящий момент у нас отсутствуют запчасти, необходимые для ремонта вашей машины,— объяснил заведующий.— Но вы не отчаивайтесь. Наши специалисты проделали большую работу.

— Значит, моя машина готова?

— Э-э-э, гражданин Кирчев! С машиной погодите. Не так все быстро. Но зато мои люди успели разыскать вашу жену. Она обещала завтра же взяться дома за стирку. Мы исправили ее старые взгляды на семейную жизнь. Теперь она в полном порядке! Можете прийти получить!

— Благодарю за срочную услугу,— только и смог вымолвить Кирчев.

Перевод с болгарского
Л. ВОРОНЦОВОЙ.

ОБМЕННОЕ

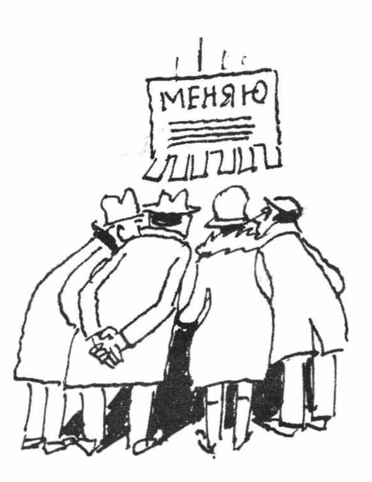
Сергей **ХАЗАНОВ**

Ветра ли злые в чью-то жизнь задуют
Иль это просто жажда перемен?
Но знают все, что средство существует
Под кодовым названием **ОБМЕН**.

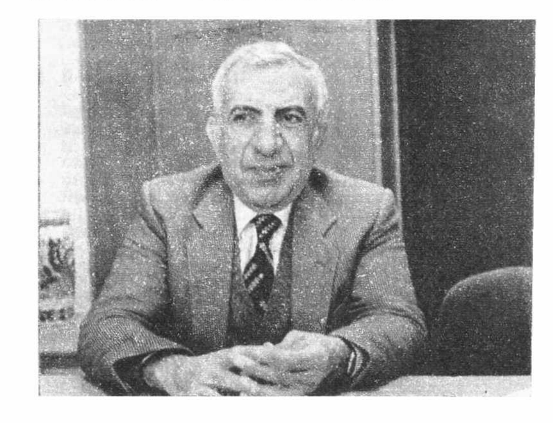
Меняются квартиры, книги, судьбы,
Места безделья и места работ,
И со столбов взывают люди к людям:
Авось кто телефончик оторвет?

Махнем, не глядя, ветреность на верность?
Жизнь разменять — что поле перейти?!
И лишь вернуть нельзя: закономерность —
Ведь в ту же реку дважды не войти.

Так царствуют обмены — даже дети
С рождения к ним попадают в плен!
Нет повести печальнее на свете,
Чем повесть под названием Обмен!

Гость «Огонька»

В редакции «Огонька» побывал известный сирийский поэт, доктор филологических наук, директор арабского культурного центра в Софии Ахмед Сулейман Ахмед. Гость «Огонька» познакомился с работой редакции и рассказал о своих творческих планах.

Фото А. Гостева

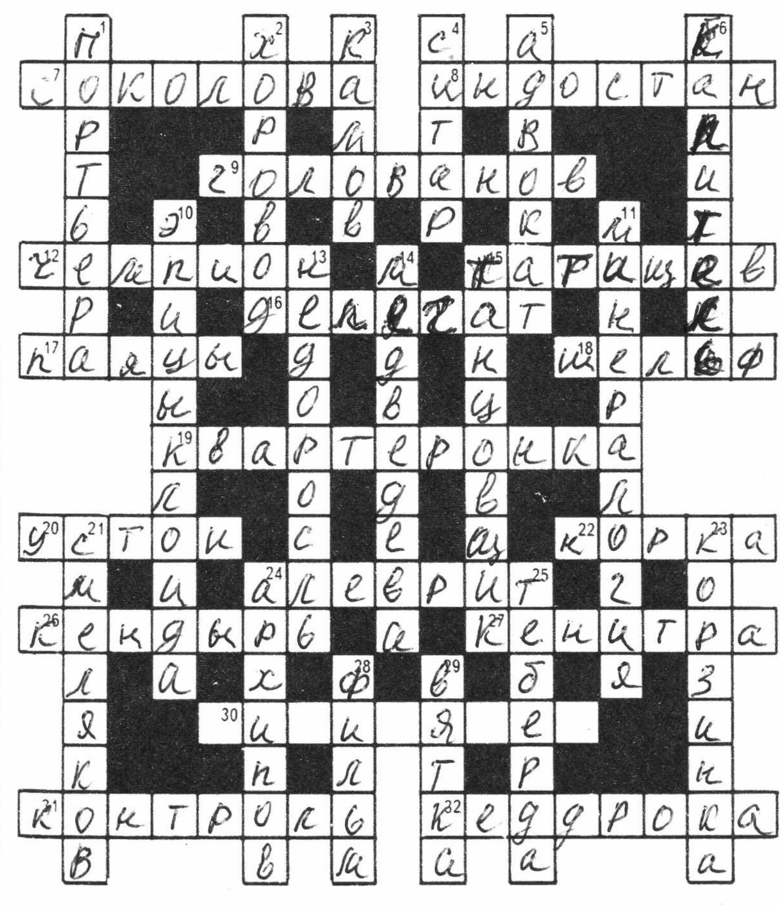
От редакции.

В № 29 «Огонька» за этот год был опубликован фельетон З. Титова «Свадьба с приговором». Выяснилось, что ряд фактов изложен в фельетоне неточно. Автор фельетона освобожден от внештатной работы в журнале. Редакцией приняты меры к тому, чтобы подобное впредь не допускалось.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Героиня кинофильма «Член правительства». 8. Полуостров на юге Азии. 9. Народный артист СССР, дирижер, пианист, композитор. 12. Спортсмен, победитель в состязаниях. 15. Русский историк XVIII века. 16. Выборный представитель организации, коллектива. 17. Опера Р. Леонкавалло. 18. Материковая отмель. 19. Роман Майн Рида. 20. Опора моста. 22. Пушной зверек. 24. Осадочная горная порода. 26. Южное волокнистое растение. 27. Порт в Марокко. 30. Русский естествоиспытатель-дарвинист. 31. Проверка выполнения законов, планов. 32. Птица, обитающая в хвойных лесах.

По вертикали: 1. Плотная занавеска для окна, двери. 2. Вид народного танцевального искусства. 3. Авиаконструктор, Герой Социалистического Труда. 4. Индийский струнный инструмент. 5. Юрист, защитник. 6. Венчающая часть колонны. 10. Плоская кривая. 11. Наука о естественных химических образованиях в составе земной коры. 13. Комедия Д. И. Фонвизина. 14. Действующее лицо пьесы М. Горького «Чудаки». 15. Артист балета. 21. Советский поэт. 23. Соцветие подсолнечника, ромашки. 24. Народный писатель Удмуртии. 25. Высокогорный курорт в Ставропольском крае. 28. Кинокартина. 29. Приток Камы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

По горизонтали: 1. Окучник. 4. Суворовец. 9. Печенга. 10. Линотип. 13. Орнитология. 16. Зайсан. 17. «Космос». 18. «Рославлев». 19. Рубенс. 21. Ливень. 22. Воспитатель. 25. Витрина. 26. Печорин. 27. Агрономия. 28. Бавкида.

По вертикали: 1. Орулган. 2. Червонопартизанск. 3. Кренкинг. 5. Пересмешник. 6. «Нерон». 7. Косяк. 8. Силосование. 11. Глазурь. 12. Тройник. 14. Иссоп. 15. «Оплот». 20. Свирь. 21. Львов. 23. Синегуб. 24. Ежевика.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Танцуйте с нами!
Фото М. Савина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Санаторий Арасан-Капал и его окрестности. (См. в номере материал «Чудо-родники».)
Фото В. Лазаревского

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

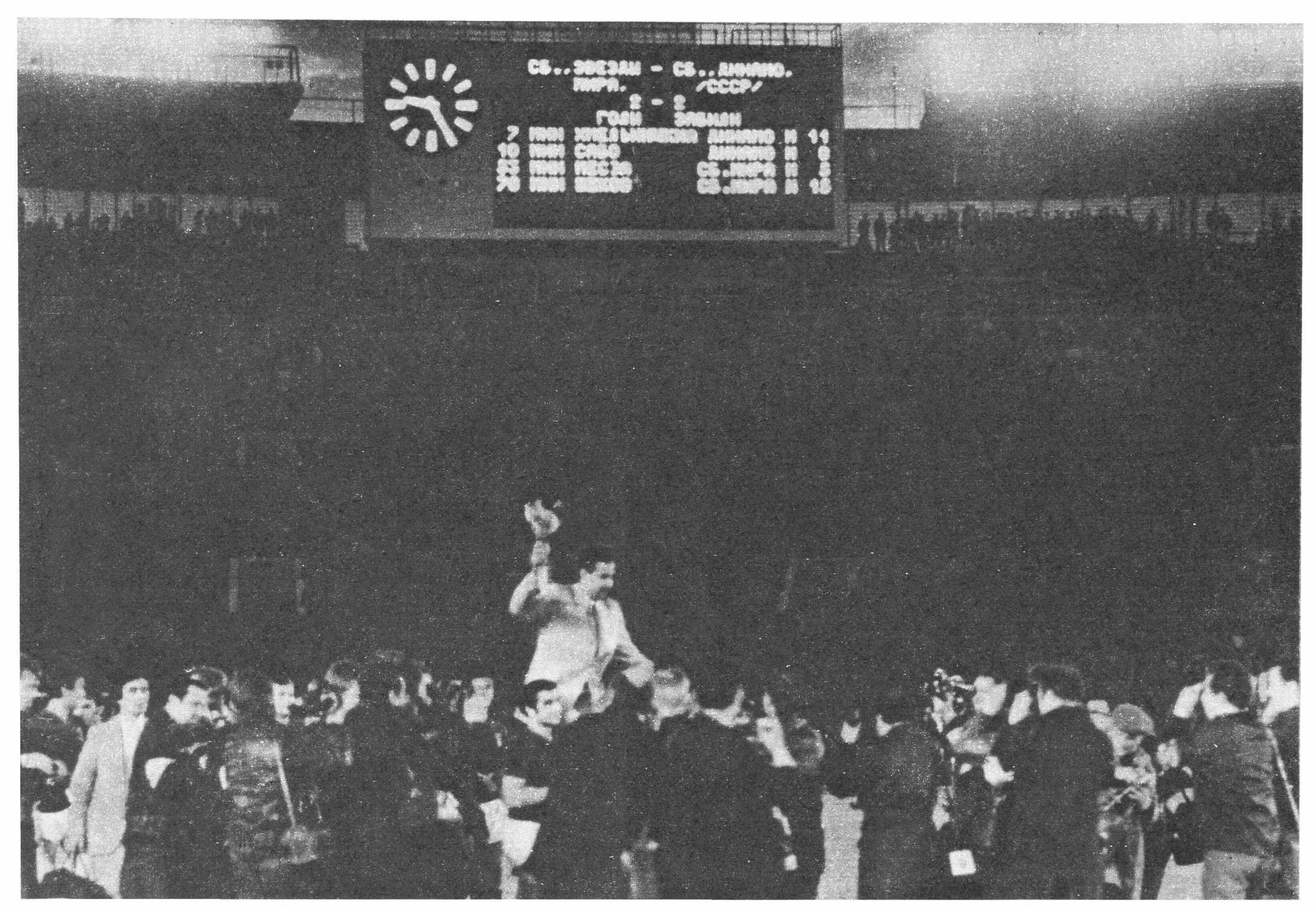
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 26.11.84. Подписано к печати 12.12.84. А 00469. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 671 000 экз. Изд. № 4098. Заказ № 3846.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

После матча Сборная мира — «Динамо» (Москва).

В. ВИКТОРОВ

Фото А. БОЧИНИНА

ВРАТАРЬ № 1

Давно уже не видим мы Льва Яшина в футбольных воротах. Тринадцать лет прошло с того дня, когда в начале второго тайма матча Сборная мира — московское «Динамо», посвященного его проводам из большого футбола, передал он свои вратарские перчатки Владимиру Пильгую. После этого Пильгуй уступил свой пост Николаю Гонтарю, и того теперь уже не найдешь в строю динамовской команды, ненадолго сменил его Александр Уваров, и сейчас охраняет ворота «Динамо» Алексей Прудников. Но Льва Яшина помнят, и не только у нас в стране, но и за рубежом. И не только помнят, но и до сих пор соизмеряют мастерство самых классных вратарей сегодняшнего дня с его мастерством. Так, совсем недавно, в октябре, газета «Франс футбол», начав классификацию лучших игроков послевоенной истории мирового футбола, призвала Льва Яшина в ряды символической Сборной мира, назвав его вратарем № 1, и это сообщение, облетевшее мировую прессу, снова напомнило нам путь Яшина. А когда мы вспоминаем этот путь, то неизменно вспоминаем самые блестящие победы нашего футбола. Одно от другого неотделимо.

Кто мог предполагать в том далеком 1949 году, что страж ворот молодежной команды «Динамо», застенчивый паренек из Сокольников, включенный вскоре третьим вратарем в команду мастеров, окажется в течение 25 лет неизменным членом этой именитой команды и 15 лет простоит в воротах сборной, обеспечив ей ряд выдающихся побед. Ведь начало его пути отнюдь не было усыпано розами. Сколько было пролито слез, какие промахи числятся в его послужном списке! Не один год просидел Яшин в запасе, не раз пропускал мячи, а после чемпионата мира 1962 года его чуть ли не сделали виновником плохого выступления нашей команды. Но Яшин потому и стал Яшиным, что преодолевал любые неудачи, не переставал искать свой стиль игры, постигал премудрости футбола у такого тренера, как Михаил Иосифович Якушин, учился вратарскому мастерству у самого Алексея Хомича, стоял рядом с такими выдающимися игроками, как Василий Карцев, Константин Бесков, Сергей Соловьев, Александр Малявкин, Всеволод Блинков, Леонид Соловьев. Что не имя — то яркая глава в истории советского футбола. И вот Яшин — вратарь сборной, которая при его участии стала чемпионом Олимпийских игр в Мельбурне, завоевала Кубок Европы, получила бронзовые медали на чемпионате мира 1966 года.

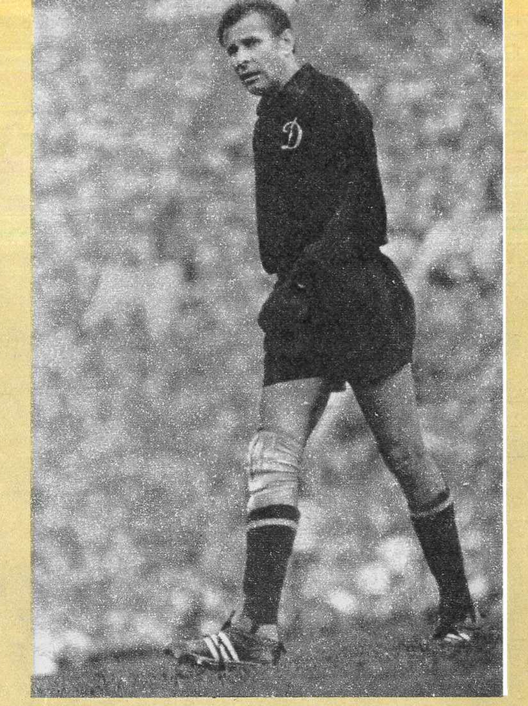
Яшину есть что вспомнить, и он на страницах «Огонька» опубликовал свои заметки, которые вышли и в библиотеке «Огонька». Трижды Яшин был признан лучшим вратарем и ему вручали кубки «Огонька», а в 1963 году он получил приз газеты «Франс футбол» — «золотой мяч».

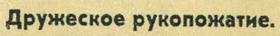
Так московский паренек стал знаменитым вратарем, знакомым лучшим форвардам Бразилии и Венгрии, Англии и Италии, ФРГ и Югославии, Франции и Португалии. Участник четырех чемпионатов мира, Лев Яшин числился в боевом составе динамовской команды до 1971 года, когда его торжественно проводили... Но, покинув в 43 года ворота, Яшин придирчиво и каждодневно следит за футбольной жизнью и многое делает, чтобы она избавилась от присущих ей недостатков. Строки, написанные Яшиным в одном из его очерков, напечатанных в «Огоньке» девять лет назад, вполне могли бы быть написанными и сегодня:

«Мы редко хвалим наш футбол, зато ругаем его постоянно: и за ставшие уже привычными неудачи на мировой арене, и за серую игру команд на чемпионате страны, и за то, что не в пример футболу пятидесятых и начала шестидесятых годов почти не выдвигает он из своих рядов игроков выдающегося класса, и за многие другие грехи. Все это справедливо — нынешний футбол дает куда больше поводов для упреков, чем для комплиментов. Только — в этом я убежден — не абстрактный футбол надо бранить, а конкретных его руководителей. История гибели и воскресения сборной говорит о том, как крепки корни нашего футбольного дерева. Но если мы с него много лет снимали чахлые, незрелые плоды, значит, неважные мы садовники, значит, плохо работают люди, стоящие у руля футбола».

Да, удивительная судьба у Льва Яшина. Он навсегда остался в спортивном строю и даже сейчас, оказавшись на больничной койке после серьезной операции, чувствует себя в гуще футбольных событий. Вот пришло сообщение из газеты «Франс футбол», в котором он объявлен вратарем № 1. Вот на страницах газеты «Известия» появилась его статья, посвященная завершению нынешнего чемпионата. А теперь Лев Иванович может раскрыть номер «Огонька» и увидеть серию снимков, которые из года в год копил в своем портфеле один из его добрых друзей и почитателей, наш фотокорреспондент Анатолий Бочинин.

В парадном строю.

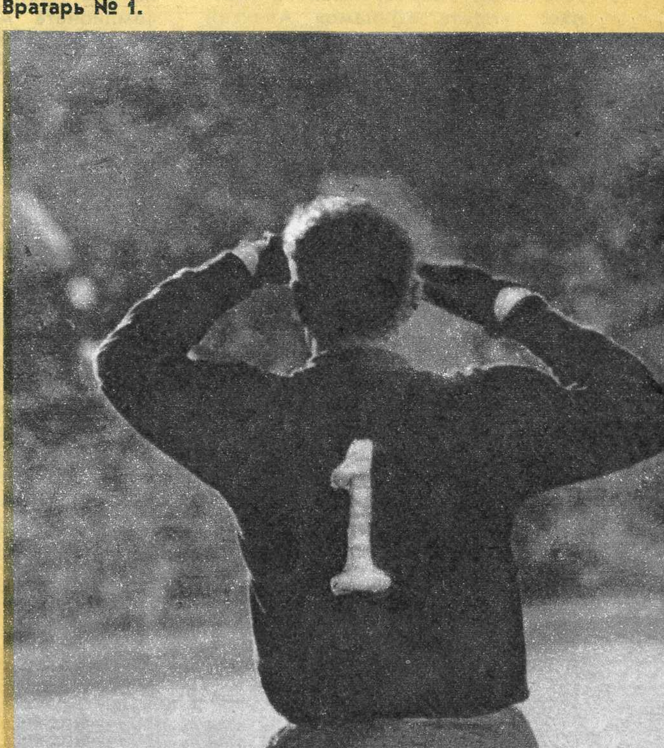

Игра идет у чужих ворот.

Дружеское рукопожатие.

Вратарь № 1.

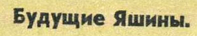

Домой из Парижа — Л. Яшин, В. Маслаченко, И. Нетто.

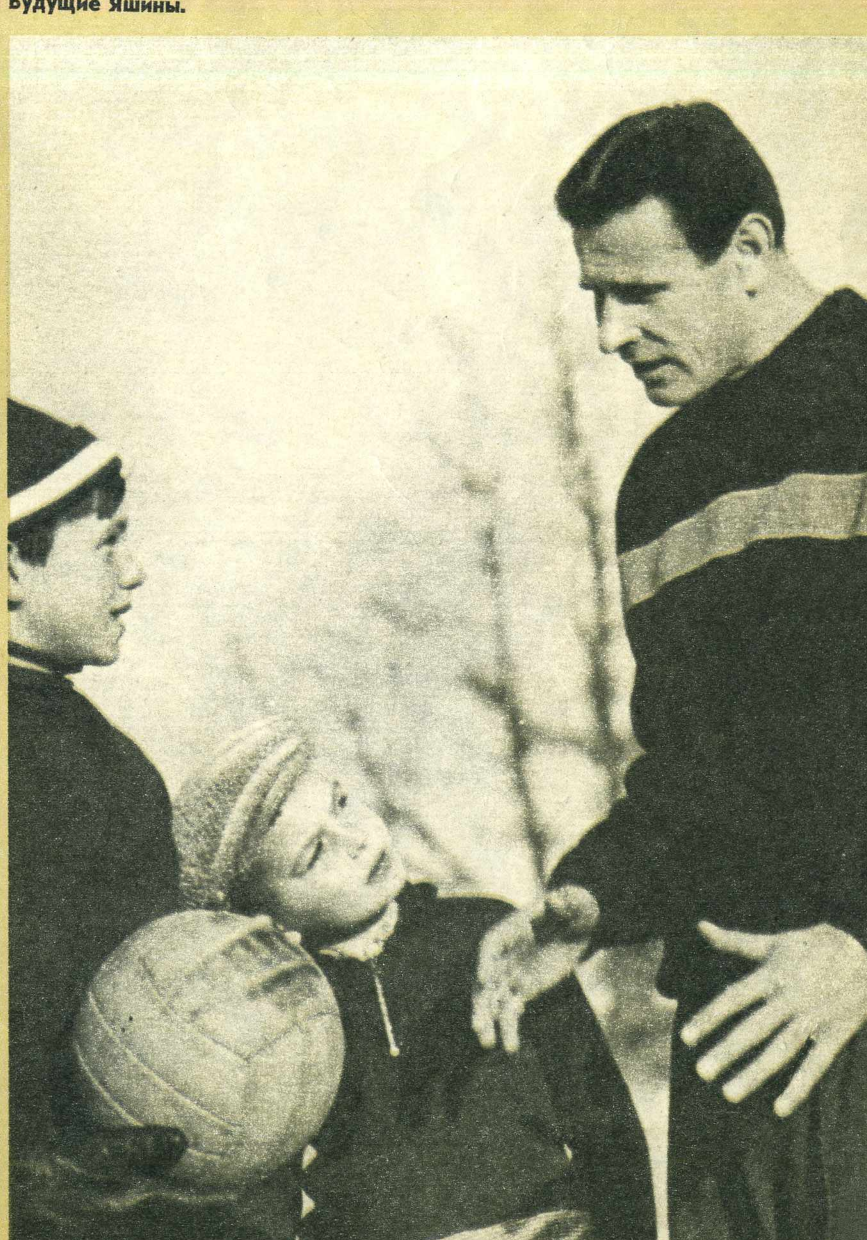

Лев Яшин уступает свое место Владимиру Пильгую.

Будущие Яшины.

Мяч отбит.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

